

№ 1 / 2021

ISSN 1999-477X

9 771999 477777 >

Семейное и Жилищное Право

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

№ 1 • 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издается 1 раз в 2 месяца

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор журнала:

Крашенинников П.В., д.ю.н.,
профессор, заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора журнала:

Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор журнала:

Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

Редакционный совет:

Алябьева И.И., к.ю.н.;
Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Веняляйнен М., д.общ.н.;
Гетман Е.С., к.ю.н.;
Ключникова Я.А., к.ю.н.;
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;
Маньлов И.Е., к.ю.н.;
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;
Пчелинцева Л.М., д.ю.н., профессор;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;
Чефранова Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Шелютто М.Л., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
чл. - корр. РАО, заслуженный юрист РФ

Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Верстка:

Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал включен в базу данных Российского индекса

научного цитирования (РИНЦ)

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» – 15105,
а также через www.lawinfo.ru.

Отпечатано в компании

«Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан: 21.12.2020.

Дата выхода в свет: 14.01.2021.

ISSN 1999-477X

Цена свободная.

Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

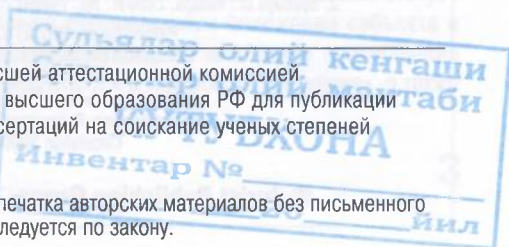
- Купцова О.В.** Семейно-правовой статус родителя:
отдельные вопросы теории и практики 3
- Нижник Н.С., Бурданова Н.А.** Осуществление личных
неимущественных родительских прав и обязанностей:
судебная защита в Российской Федерации 7
- Мыскин А.В.** К вопросу о допустимости заключения супругами
двух и более брачных договоров 11
- Побережный С.Г.** Практика реализации прав супругов
в корпоративных правоотношениях 15
- Рыженков А.Я.** Принцип запрета дискриминации
в семейном праве: вопросы теории и практики 19
- Савельева М.В.** Разграничение ответственности супругов
по общим обязательствам при разделе совместно
нажитого имущества 23
- Ситкова О.Ю.** Правовая природа права ребенка на доступ
к информации и его ограничения в целях защиты ребенка
от информации, наносящей вред психическому здоровью
и развитию несовершеннолетних 27
- Степанян А.С.** Некоторые проблемы применения мер защиты
имущественных интересов одиноких матерей и отцов
в связи с наступлением чрезвычайных ситуаций 31
- Холоденко Ю.В., Бердников С.С.** Изменение режима имущества
супругов в процедурах банкротства 34

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Астапова Т.Ю.** Некоторые аспекты осуществления
преимущественного права покупки доли в праве
общей собственности на жилое помещение 38
- Басос Е.В.** Жилое помещение по договору социального найма:
общая характеристика 41
- Внукова В.А., Шорников С.В.** К вопросу об ответственности
за бесхозяйственное содержание жилого помещения 45

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации
основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного
разрешения редакции преследуется по закону.

FAMILY AND HOUSING LAW

No. 1 • 2021

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI No. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED BIMONTHLY WITH SIX ISSUES A YEAR

Publisher: Jurist Publishing Group

Editor in Chief of the journal:

Krashennikov P.V.,
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,
Honored lawyer of the RF

Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);
Bespalov Yu.F., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Venyalyaynen M., doctor of social sciences;
Getman E.S., PhD (Law);
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;
Manylov I.E., PhD (Law);
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;
Pchelintsev S.V., LL.D.;
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor;
Rabec A.M., LL.D., Professor;
Samoylov A.S., LL.D., Professor;
Totsky N.N., PhD (Law);
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor;
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;
Shelutto M.L., PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru,

www.lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database
Russian science citation index

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press – 15105,
and on www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 21.12.2020.

Edition was published: 14.01.2021.

ISSN 1999-477X

Free market price. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

© Jurist Publishing Group, 2021

CONTENTS

FAMILY LAW

- Kuptsova O.V.** The Family Law Status of a Parent:
Some Issues of the Theory and Practice.....3
- Nizhnik N.S., Burdanova N.A.** Exercise of Personal
Non-Property Parental Rights and Duties: Judicial Protection
in the Russian Federation7
- Myskin A.V.** On the Admissibility of Conclusion
of Two and More Prenuptial Agreements by Spouses..... 11
- Poberezhny S.G.** The Practice of Exercising of Rights
of Spouses in Corporate Relationships..... 15
- Ryzhenkov A.Ya.** The Discrimination Prohibition Principle
in Family Law: Issues of Theory and Practice..... 19
- Savel'yeva M.V.** Demarcation of the Liability of Spouses
Under Common Obligations in Marital Property Division23
- Sitkova O.Yu.** The Legal Nature of the Child's Right
to Access Information and the Restriction Thereof
to Protect a Child Against Information Detrimental
to the Mental Health and Development of Minors.....27
- Stepanyan A.S.** Some Issues of Application
of Single Parent's Property Interest Protection Means in View
of the Occurrence of an Emergency Situation.....31
- Kholodenko Yu.V., Berdnikov S.S.** Amendment
of the Spousal Property Regime in Bankruptcy Procedures34

HOUSING LAW

- Astapova T.Yu.** Some Aspects of Exercising of the Preemptive Right
to Purchase a Share in the Residential Premise Owned
under the Right of Ownership in Common.....38
- Basos E.V.** Residential Premise Under a Social Rent Agreement:
General Characteristics 41
- Vnukova V.A., Shornikov S.V.** On the Liability for Mismanagement
of a Residential Premise45

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the RF
for publication of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission
of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Семейно-правовой статус родителя: отдельные вопросы теории и практики

Купцова Ольга Владимировна,
доцент кафедры правовых дисциплин
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева,
кандидат юридических наук, доцент
sabrina03@list.ru

В статье рассматривается правовое положение родителя как специальный правовой статус, определяемый семейным правом Российской Федерации. Обращается внимание на неоднородность правового положения родителя и возможность выделения в нем ряда самостоятельных, имеющих свои особенности, субстатусов: статусов совершеннолетнего и несовершеннолетнего родителя, полного и ограниченного статусов родителя, статусов родителя, проживающего совместно с ребенком, и родителя, проживающего отдельно от ребенка. Характеризуется понятие «родитель», акцентируется необходимость его определения указанием не только на кровное родство, но и на совокупность юридических фактов либо на установление происхождения ребенка. Разграничиваются родительские права и обязанности как элементы семейно-правового статуса родителя, анализируются неимущественные и имущественные, основные и производные права, неимущественные и имущественные обязанности родителей. Оценивается влияние семейно-правовой ответственности на семейно-правовое положение родителя. С учетом существующих подходов к определению правового статуса и его структуры предложено определение семейно-правового статуса родителя. Обозначены меры по оптимизации семейно-правового положения родителя в части обеспечения исполнимости обязанности по содержанию ребенка и установления обязанности компенсировать моральный вред, причиненный ребенку и другому родителю.

Ключевые слова: родитель, правовое положение, семейно-правовой статус, права родителей, обязанности родителей.

The Family Law Status of a Parent: Some Issues of the Theory and Practice

Kuptsova Olga V.
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
of the National Research Ogarev Mordovia State University
PhD (Law), Associate Professor

The article considers the legal status of the parent as a special legal status determined by family law of the Russian Federation. Attention is drawn to the heterogeneity of the legal status of the parent and the possibility of distinguishing in it a number of independent, having their own characteristics, sub-statuses: the status of an adult and a minor parent, full and limited status of a parent, the status of a parent living together with a child, and a parent living separately from a child. The concept of parent is characterized, the need to determine it by indicating not only consanguinity, but the totality of legal facts or to establish the origin of the child. Parental rights and obligations are distinguished as elements of the family legal status of the parent, non-property and property rights, basic and derivative rights, non-property and property obligations of parents are analyzed. Given the existing approaches to determining the legal status and its structure, it is proposed to determine the family legal status of the parent. Measures are outlined to optimize the family-legal position of the parent in terms of ensuring the enforceability of the obligation to support the child and establishing the obligation to compensate for moral damage caused to the child and the other parent.

Keywords: parent, legal status, family legal status, parental rights, parents responsibilities.

Семейно-правовое положение родителей освещается в современной научной литературе, как правило, фрагментарно, в большей степени при исследовании проблем исполнения родителями обязанностей по воспитанию или содержанию ребенка, а также в ходе анализа практики ограничения или лишения родительских прав. При этом за рамками современных научных исследований оставлена комплексная характеристика семейно-правового статуса родителей, что представляется неоправданным с позиций единства, системности семейно-правовой науки и заслуживает отдельного внимания.

Анализ семейно-правового положения родителя требует оценки не только семейно-правового регулирования отношений между родителями и детьми и его практической реализации, но и общетеоретического понимания категории правового статуса. Последняя является одной из наиболее спорных, неоднозначных категорий теории права. При совпадении общего представления о правовом статусе как законодательно определяемом положении субъекта в обществе ученые расходятся во мнениях о соотношения понятий «правовой статус» и «правовое положение», а также

в определении структуры правового статуса. Не вдаваясь в контексте заявленной темы в тонкости теории права, согласимся с этимологическим тождеством терминов «статус» и «положение»¹ и признанием этого тождества в законотворчестве², а также с различием формального и фактического правовых положений субъектов права в силу различных объективных и субъективных факторов³.

Категория правового статуса выражает сферу имеющих возможностей и должного поведения. Обязательными элементами правового статуса признаются субъективные юридические права, свободы и обязанности. В числе иных составляющих упоминаются законные интересы, правосубъектность, правовые принципы, юридическая ответственность, гарантии субъективных прав и свобод⁴.

Непосредственно семейно-правовое положение родителей также раскрывается через их права и обязанности. Так, И.А. Павлова отмечает, что правовой статус родителей определяется принадлежащими им имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями⁵. По мнению О.И. Величковой, семейно-правовой статус родителей должен анализироваться «сквозь призму норм семейного права» как совокупность родительских прав и обязанностей с учетом особенностей их осуществления и возможности применения норм семейно-правовой ответственности⁶.

Полагаем, в целом семейно-правовой статус родителя определяется правами и обязанностями родителя как субъекта семейного права. Нельзя не признать и влияния семейно-правовой ответственности на семейно-правовое положение родителя посредством лишения тех или иных возможностей (лишения родителя права на общение с ребенком, права на получение содержания от совершеннолетнего ребенка) или наложения дополнительных обязанностей (например, обязанности уплатить пени вследствие несвоевременной уплаты алиментов). В целом семейно-правовая ответственность родителя заслуживает отдельного самостоятельного рассмотрения, в том числе ввиду неоднозначной оценки форм ее выражения⁷ и вопросов ее эффективности⁸.

¹ См.: Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014. С. 626.

² Анализ законодательства см., например: Лызлов Д.Н. Юридические гарантии правового статуса молодежи : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 16; Пикина Т.В. Правовое положение и правовой статус личности. Проблемы терминологии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 131.

³ Подробнее см.: Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 37.

⁴ Подробнее см.: Там же. С. 38–39.

⁵ Павлова И.А. Правовое положение родителей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 3.

⁶ Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

⁷ См.: Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007. С. 6–7; Шерстнева Н.С. Семейно-правовая сущность принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних // Современное право. 2006. № 3. С. 52; Семейное право : учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 161.

⁸ Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16–23.

Статус родителя является специальным, поскольку определяет положение такого специального субъекта права, как родитель. Здесь следует отметить, что понятие «родитель» (или «родители») не имеет легального определения: ни Семейный кодекс РФ (СК РФ)⁹, ни иные нормативные правовые акты РФ его не закрепляют. В научных источниках, посвященных проблемам правового положения родителей, как правило, не уделяется внимания определению этого понятия.

В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой родители определяются как отец и мать по отношению к своим детям¹⁰. По мнению И.А. Павловой, «родители – это лица, которые в силу факта кровного родства обладают всеми необходимыми родительскими правами и обязанностями как имущественного, так и неимущественного характера в отношении своих несовершеннолетних, а в указанных законом случаях и совершеннолетних детей»¹¹. Данное определение представляется неполным, поскольку в отношении родителей биологический подход дополняется социальным. Правовая связь «родитель-ребенок» основывается не только на кровном родстве, но и на иных юридических фактах. Основанием для возникновения прав и обязанностей родителя является установление происхождения ребенка, внесение в актовую книгу и в свидетельство о рождении ребенка записи об определенном лице как о родителе (о матери или об отце ребенка). Статус родителя может иметь не только лицо, соединенное кровной связью с ребенком, но и лицо, не имеющее такой связи: мужчина, не являющийся биологическим отцом ребенка, но состоящий в браке с матерью ребенка и записанный в качестве его (ребенка) отца, суррогатная мать ребенка. Поэтому в определении родителя (родителей) должно содержаться указание не только на факт кровного родства, но и на иные юридические факты либо на установление происхождения ребенка как основание возникновения родительских прав и обязанностей.

Правовое положение родителей неоднородно. На это обращается внимание, в частности, О.И. Величковой в отношении несовершеннолетних родителей. Автором выделены три специальных правовых статуса несовершеннолетних родителей: субстатус несовершеннолетних родителей в возрасте до шестнадцати лет, не состоящих в браке; субстатус несовершеннолетних родителей старше шестнадцати лет, не состоящих в браке, и субстатус несовершеннолетних родителей (независимо от возраста), состоящих в браке¹².

Неоднородность характерна для семейно-правового положения родителей в целом. Имеется специфика правового статуса несовершеннолетних родителей, родителей, ограниченных в родительских правах, родителя, проживающего отдельно от ребенка. С применением различных критериев классификации представляется возможным выделение следующих специальных семейно-правовых статусов родителей: по возрастному критерию – субстатуса совершеннолетних родителей и субстатуса несовершеннолетних родителей; исходя из объема родительских прав

⁹ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925>

¹⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1994. С. 670.

¹¹ Павлова И.А. Указ. соч. С. 25.

¹² Величкова О.И. Указ. соч. С. 7.

и обязанностей – полного семейно-правового субстатуса родителя и ограниченного семейно-правового субстатуса родителя; в зависимости от проживания с ребенком или отдельно от него – субстатуса родителя, проживающего совместно с ребенком, и субстатуса родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Каждый из отмеченных субстатусов имеет свои особенности, обусловленные ограничением или «усилением» объема возможностей родителей в отношении ребенка (детей). Так, ограниченный семейно-правовой статус родителя обусловлен ограничением родительских прав и тем самым сужается вследствие утраты родителем права на воспитание ребенка (п. 1 ст. 74 СК РФ). Правовое положение родителя, проживающего отдельно от ребенка, не имеет явно выраженной нормативной специфики по сравнению с семейно-правовым статусом родителя, проживающего совместно с ребенком, однако может быть сужено лишением права на получение информации о ребенке из образовательных или иных организаций (п. 4 ст. 66 СК РФ). Кроме того, фактический семейно-правовой статус родителя, проживающего отдельно от ребенка, имеет более выраженную «защитную» составляющую, поскольку зачастую «попирается» родителем, проживающим с ребенком, и требует более активного отстаивания родительских прав.

Права родителя выражены не только в СК РФ, но и в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности (см., например, гл. 4 Трудового кодекса РФ¹³, ст. 175 Гражданского кодекса РФ¹⁴, ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁵). Однако содержание семейно-правового положения родителя составляют лишь те возможности, которые имеют семейно-правовую природу, закреплены в семейном законодательстве. Иные легально выраженные возможности родителя формируют его межотраслевой статус в соответствующей («дозволенной») его части.

Семейные права родителей делятся на личные и имущественные. Личные неимущественные права родителей возникают по поводу нематериальных благ и лишены экономического содержания. К ним относятся право воспитывать своих детей, право защищать права и интересы своих детей без специальных на то полномочий, право требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения и некоторые иные. Эти права закреплены как в гл. 12 СК РФ, так и за ее пределами (см., в частности, ст. 129, п. 1 ст. 70, п. 3 ст. 137 СК РФ). В отдельную подгруппу в системе личных неимущественных прав родителей М.Л. Шакирова выделяет родительские права в сфере образования¹⁶. Данные права выходят за рамки семейно-правового положения родителя, распространяясь на сферу отношений между образовательной организацией и обучающимися (или их законными представителями), что составляет предмет регулирования образовательного права.

Норм, закрепляющих имущественные права родителей, в гл. 12 СК РФ не содержится. Однако они могут быть определены на основе ст. 60 СК РФ, регулирующей имущественные права ребенка. Имущественные права родителей делятся на права, вытекающие из алиментных обязательств (гл. 13 СК РФ), и права, возникающие по поводу имущества, находящегося в собственности родителей и детей (регулируются в основном гражданским законодательством). Полагаем, применительно к семейно-правовому статусу родителя следует признать лишь право родителя на получение содержания (алиментов) от детей. Иные имущественные права родителя имеют другую (не семейно-правовую) отраслевую принадлежность и видятся элементами общего правового положения родителя и других специальных статусов родителя (в частности, гражданско-правового положения, статуса социального обеспечения).

В системе родительских прав Т.В. Краснова предлагает выделять основные и производные права. Права, реализуемые непосредственно в семейном родительском правоотношении через фактические действия родителя во взаимодействии с ребенком, автор именуется основными и относит к ним право на воспитание ребенка, его обучение и развитие. К производным правам родителей Т.В. Краснова причисляет родительские права, осуществляемые в гражданском правоотношении с участием третьих лиц, дополнительно выделяя в этой группе родительских возможностей две подгруппы: права родителей, опосредующие осуществление прав детей, и права по защите прав и интересов детей¹⁷. Предложенная классификация, безусловно, теоретически оправданна и способствует изучению семейно-правового и гражданско-правового статусов родителя в их единстве.

По своей природе семейные родительские права не тождественны родительским обязанностям, что вытекает в том числе и из общетеоретических представлений о субъективном праве и юридической обязанности.

Профессор Н.Д. Егоров следующим образом характеризует сущность основополагающего родительского права на воспитание ребенка (детей): «Право родителей на воспитание детей является элементом абсолютного правоотношения, в котором все другие лица должны воздерживаться от каких-либо действий, препятствующих родителям воспитывать своих детей. В рамках этого абсолютного правоотношения право родителей на воспитание никак не может быть одновременно их обязанностью перед всеми другими лицами. И наоборот, в правоотношении между родителями и детьми на родителе лежит обязанность по воспитанию детей, которая не может рассматриваться одновременно и как право на воспитание по отношению к детям»¹⁸.

Профессор А.М. Нечаева справедливо указывает, что «право и обязанность по воспитанию – не однозначные понятия. Одно из них заключается в поведении дозволенном, другое – в поступках обязательных. Обладатель прав и обя-

¹³ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074279>

¹⁴ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>

¹⁵ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>

¹⁶ Шакирова М.Л. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей: некоторые актуальные вопросы правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 99.

¹⁷ Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 103–104.

¹⁸ Цит. по: Величкова О.И. Указ. соч. С. 18.

занностей по воспитанию детей должен знать, что он может и что он обязан»¹⁹.

Действительно, родительские права и обязанности имеют схожие область реализации, направления воздействия, особым образом (совместно, через союз «и») выражаются в законодательстве. Однако это не дает основания смешивать легально обозначенные возможности и долженствования родителей. В отличие от субъективного права юридическая обязанность требует необходимого законодательно определенного поведения субъекта, обязательного совершения действий, предписанных нормой права. Тем самым обязанность родителя представляет собой меру должного (а не возможного) поведения, выражающуюся в личном воздействии родителя на ребенка.

Обязанности родителя, как и родительские права, классифицируются на личные неимущественные и имущественные. К первым относятся обязанность заботиться о здоровье и воспитании своих детей (п. 1 ст. 63 СК РФ), обязанность защищать права и интересы детей (п. 1 ст. 64 СК РФ), обязанность не препятствовать общению близких родственников с ребенком (ст. 67 СК РФ) и некоторые иные²⁰. Имущественные семейно-правовые обязанности родителя сводятся к обязанности содержать ребенка (детей) посредством алиментирования, в том числе участия в дополнительных расходах (ст. 80, 85, 86 СК РФ).

Исполнение родителями обязанностей по содержанию своих несовершеннолетних детей в современных российских реалиях остается наиболее острой проблемой реализации норм семейного права²¹. Для ее разрешения

предлагаются различные меры²², более целесообразными из которых видятся создание единой информационной базы по неплательщикам алиментов и, при необходимости, принудительное трудоустройство родителя-должника на период выплаты задолженности по алиментам.

В интересах детей и в целях совершенствования семейно-правового положения родителей представляется также оправданным закрепить в СК РФ с отсылкой к гражданскому законодательству РФ обязанность родителя компенсировать моральный вред ребенку вследствие противоправного нарушения его прав²³ (при ненадлежащем воспитании, неисполнении алиментной обязанности и проч.), а также право родителя на компенсацию морального вреда при ущемлении его родительских прав другим родителем.

Таким образом, в целом семейно-правовой статус родителя представляет собой закрепленную нормами семейного права систему личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей личности в отношении своего ребенка, основанную на установлении его (ребенка) происхождения. Он является специальным отраслевым статусом и объединяет иные специальные семейно-правовые субстатусы родителей. Его содержание определяют родительские права и обязанности, закрепленные нормами семейного права, а также семейно-правовая ответственность родителя. В интересах ребенка целесообразно дополнение правового статуса родителя обязанностью компенсации морального вреда, причиненного ребенку и (или) другому родителю вследствие ненадлежащего осуществления родительских прав, а также законодательное закрепление мер, направленных на обеспечение исполнения алиментной обязанности.

¹⁹ Нечаева А.М. Семейное право : учеб. для академ. бакалавриата. М., 2019. С. 97.

²⁰ Подробнее см.: Шакирова М.Л. Указ. соч. С. 100.

²¹ Гордеев И.А., Гордеева М.И. К вопросу о защите прав и интересов несовершеннолетних по обеспечению алиментных обязательств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 3 (24). С. 55.

²² См., например: Наумов Я.В. Алиментные обязательства родителей: некоторые вопросы правового регулирования и гарантии обеспечения выплаты // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 10.

²³ Семейное право : учебник / ред. Ю.Ф. Беспалов, О.А. Егорова, О.Ю. Ильина. М., 2015. С. 289; Сидорова С.А. Указ. соч. С. 7–8.

Литература

1. Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / О.И. Величкова. Москва, 2006. 177 с.
2. Гордеев И.А. К вопросу о защите прав и интересов несовершеннолетних по обеспечению алиментных обязательств // И.А. Гордеев, М.И. Гордеева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 3 (24). С. 54–61.
3. Краснова Т.В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России / Т.В. Краснова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 102–106.
4. Лызлов Д.Н. Юридические гарантии правового статуса молодежи : диссертация кандидата юридических наук / Д.Н. Лызлов. Владимир, 2005. 171 с.
5. Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства / Л.Ю. Михеева // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16–23.
6. Наумов Я.В. Алиментные обязательства родителей: некоторые вопросы правового регулирования и гарантии обеспечения выплаты / Я.В. Наумов // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 7–10.
7. Нечаева А.М. Семейное право : учебник для академического бакалавриата / А.М. Нечаева. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 294 с.
8. Павлова И.А. Правовое положение родителей : диссертация кандидата юридических наук / И.А. Павлова. Москва, 1995. 152 с.
9. Пикина Т.В. Правовое положение и правовой статус личности. Проблемы терминологии / Т.В. Пикина // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 129–132.
10. Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ : диссертация кандидата юридических наук / О.В. Садина. Саранск, 2009. 205 с.
11. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2016. 270 с.
12. Семейное право : учебник / ред. Ю.Ф. Беспалов, О.А. Егорова, О.Ю. Ильина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 415 с.
13. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.А. Сидорова. Волгоград, 2007. 24 с.
14. Шакирова М.Л. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей: некоторые актуальные вопросы правового регулирования / М.Л. Шакирова // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 96–101.
15. Шерстнева Н.С. Семейно-правовая сущность принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних / Н.С. Шерстнева // Современное право. 2006. № 3. С. 51–56.

Осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей: судебная защита в Российской Федерации

Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru

Бурданова Наталия Анатольевна,
судья Московского районного суда города Санкт-Петербурга,
преподаватель факультета повышения квалификации
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
burdanova.na@icloud.com

Осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей в современной России обеспечивается возможностью судебной защиты и применения санкций за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение. Недостижение родителями ребенка и иными лицами согласия по вопросам воспитания, образования, места жительства ребенка приводит к возникновению судебных споров об осуществлении личных неимущественных родительских прав и обязанностей. На основе анализа законодательства и судебной практики рассмотрены нормативные основания судебных споров, связанных с осуществлением личных неимущественных родительских прав и обязанностей; возможности судебного разрешения спора, связанного с осуществлением родительских прав и обязанностей; произведена классификация споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей, по различным критериям (по субъектному составу и содержанию споров); охарактеризованы правила подведомственности и подсудности споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей.

Ключевые слова: родитель, личные неимущественные родительские права и обязанности, судебные споры, классификации споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей.

Exercise of Personal Non-Property Parental Rights and Duties: Judicial Protection in the Russian Federation

Nizhnik Nadezhda S.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
LL.D., Professor

Burdanova Natalia A.
Judge of the Moskovskiy District Court of Saint Petersburg
Lecturer of the Advanced Training Faculty
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice

The exercise of personal non-property parental rights and responsibilities in modern Russia is ensured by the possibility of judicial protection and the application of sanctions for non-performance or improper performance. Failure by the parents of the child and other persons to reach agreement on the issues of upbringing, education and child's place of residence leads to litigation on the exercise of personal non-property parental rights and responsibilities. The regulatory grounds for litigation related to the exercise of personal non-property parental rights and obligations and the possibility of judicial resolution of a dispute related to the exercise of parental rights and obligations have been considered by the author on the basis of the analysis of legislation and judicial practice. The classification of disputes related to the exercise of personal parental rights and obligations has been made according to various criteria (according to the subject

composition and content of disputes). The rules of subject matter jurisdiction and court jurisdiction of disputes related to the exercise of personal parental rights and responsibilities have been characterized.

Keywords: parent, personal non-property parental rights and responsibilities, litigation, classification of disputes related to the exercise of personal parental rights and responsibilities.

Осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей обеспечивается возможностью судебной защиты и применения санкций за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение.

О возможности разрешения спора, связанного с осуществлением родительских прав и обязанностей, в суде

Какие споры в сфере осуществления личных неимущественных родительских прав и обязанностей могут быть рассмотрены в суде? Вопрос о перечне возможных судебных споров является дискуссионным¹. О.С. Батова, в частности, считает, что «в суде к рассмотрению должно быть принято любое дело, затрагивающее права и законные интересы ребенка»². А.М. Нечаева полагает, что компетенция суда ограничена: ограничителем выступает закон³.

Возможность судебного разрешения спора, связанного с осуществлением родительских прав и обязанностей, закреплена правовыми нормами, прежде всего нормами Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ). В главе 12 СК РФ «Права и обязанности родителей» предусмотрен ряд случаев разрешения спора в судебном порядке, в число которых включены: установление отцовства (ст. 62); разногласия по вопросам, касающимся воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65); отсутствие соглашения о месте жительства ребенка (п. 3 ст. 65); спор о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66); требование родителя, проживающего отдельно от ребенка, о передаче ему ребенка (п. 3 ст. 66); оспаривание отказа в предоставлении информации (п. 4 ст. 66); невыполнение родителями решения органа опеки и попечительства (п. 3 ст. 67); удержание ребенка (ст. 68); лишение родительских прав (ст. 70); совместное проживание ребенка и родителей, лишенных родительских прав (п. 3 ст. 71); восстановление в родительских правах (ст. 72); ограничение родительских прав (ст. 73); отмена ограничения родительских прав (ст. 76).

Практику рассмотрения споров в судебном порядке подвергает анализу Верховный Суд РФ⁴, который обобщает ее и для обеспечения ее унификации дает судам общей юрисдикции разъяснения, касающиеся применения за-

конодательства Российской Федерации в данной сфере регулирования общественных отношений (ст. 126 Конституции Российской Федерации, ч. 5 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации», п. 1 ч. 4 ст. 9 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) «О судах общей юрисдикции»). В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» перечислены споры, связанные с воспитанием детей родителями: о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей; об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка; об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников; о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения; о лишении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об ограничении родительских прав; об отмене ограничения родительских прав; другие споры.

Дискуссия строится вокруг содержания дефиниции «другие споры». Из сравнения перечней споров о воспитании детей родителями, закрепленных в СК РФ и Постановлении Пленума ВС РФ следует, что ВС РФ отдельно не указал ряд случаев, при возникновении которых СК РФ допускает судебное разбирательство. «Другие споры» могут возникать при установлении отцовства (ст. 62 СК РФ); разногласиях по вопросам, касающимся воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65); требовании родителя, проживающего отдельно от ребенка, о передаче ему ребенка (п. 3 ст. 66); оспаривании отказа в предоставлении информации (п. 4 ст. 66); совместном проживании ребенка и родителей, лишенных родительских прав (п. 3 ст. 71). Дальнейшее расширение полномочий суда, на наш взгляд, противоречит закону. Конституция РФ гарантирует каждому неприкосновенность частной жизни (ст. 23). Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Таким образом, мы будем исходить из того, что перечень судебных споров ограничен законом.

О классификации споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей

Наиболее распространенные в судебной практике споры, связанные с осуществлением личных родительских прав и обязанностей, подлежат классификации по различным основаниям.

По субъектному составу споры, связанные с осуществлением личных родительских прав и обязанностей, можно разделить на следующие группы:

¹ См.: Нечаева А. М. Споры о детях / отв. ред. М.А. Шапкин. М.: Юрид. лит., 1989; Фомина Е.А. Споры о праве на воспитание детей: Материально-правовые и процессуально-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Батова О.С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Кузина В.Е. Классификация семейно-правовых споров // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 31–34; Дергунова В.А. Теория и практика разрешения споров о детях в суде: опыт адвокатской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017; Тригубович Н.В. Передача юрисдикции судебными или административными органами по спорам, связанным с воспитанием детей // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 19–23; и др.

² Батова О.С. Проблемы классификации судебных споров, связанных с воспитанием детей // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 136.

³ Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка: учебно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2003. С. 5.

⁴ См.: Савельев Д.Б. Правовые позиции Верховного Суда РФ по семейным спорам: хрестоматия. М.: Проспект, 2016.

1) споры между родителями: об определении места жительства ребенка с одним из родителей; об определении порядка осуществления родительских прав одним из родителей, проживающим отдельно от ребенка; о нечинении препятствий к осуществлению родительских прав; об ограничении и лишении родительских прав в отношении ребенка, воспитываемого одним из родителей, восстановлении в родительских правах, отмене ограничения родительских прав;

2) споры между родителями и иными лицами: об отобрании ребенка у лица, удерживающего его не на основании закона или решения суда; об осуществлении родительских прав родителями, проживающими отдельно от ребенка; об ограничении и лишении родительских прав, если ребенок воспитывается не родителями, восстановлении таких прав.

Содержание споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей, создает обладающие общими свойствами группы:

1) по вопросам, касающимся воспитания детей: об определении места жительства ребенка; об определении порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно; об устранении препятствий родителям, не лишенным родительских прав, в воспитании детей, находящихся у других лиц на основании закона или решения суда; о возврате ребенка; о разрешении выезда ребенка за пределы Российской Федерации без согласия одного из родителей;

2) по вопросам, касающимся применения санкций: о лишении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об ограничении родительских прав; об отмене ограничения родительских прав;

3) по вопросам, касающимся оспаривания решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: оспаривание отказа воспитательных учреждений, медицинских организаций, учреждений социальной защиты и других аналогичных учреждений в предоставлении информации о ребенке; оспаривание решений, действий (бездействия) органа опеки и попечительства, связанных с разрешением вопросов воспитания детей родителями.

Несмотря на то что по общему правилу порядок судебного производства по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) установлен Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020), третья группа дел рассматривается по правилам гражданского судопроизводства, поскольку суд не только оценивает соответствие обжалуемых действий (бездействия), решений нормативным правовым актам с процессуальной точки зрения, но и рассматривает семейно-правовой спор.

О выборе способа разрешения спора, связанного с осуществлением личных родительских прав и обязанностей

Недостижение родителями ребенка и иными лицами согласия по вопросам воспитания, образования, места жительства ребенка приводит к возникновению судебных споров об осуществлении личных неимущественных родительских прав

и обязанностей⁵. Родители могут разрешить некоторые споры во внесудебном порядке с участием органа опеки и попечительства. С 1 января 2008 г. органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» внесены изменения в ст. 34 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и ст. 121 СК РФ. Органами опеки и попечительства являются органы местного самоуправления в случае, если законом субъекта Федерации они наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами. Например, в Санкт-Петербурге данные функции осуществляют органы местного самоуправления⁶. Деятельность органов опеки и попечительства определена СК РФ, ГК РФ, Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Решения органов опеки и попечительства в сфере регулирования личных неимущественных родительских прав и обязанностей не подлежат принудительному исполнению (кроме отобрания ребенка).

Все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаюся родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей (п. 2 ст. 65 СК РФ). При наличии разногласий между родителями каждый из них может обратиться в орган опеки и попечительства или в суд. Обращение непосредственно в суд, минуя орган опеки и попечительства, не препятствует рассмотрению спора.

Право выбора инстанции, которой первоначально будет поручено решение возникшего вопроса, принадлежит заявителю.

Законом предусмотрена возможность заключения письменного соглашения по вопросам осуществления родительских прав и обязанностей (например, об определении порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ч. 2 ст. 66 СК РФ)). Вместе с тем вопрос о судьбе подобного соглашения при обращении родителя в суд за разрешением аналогичного спора законодательно не урегулирован. Представляется, что вынесение решения влечет прекращение действия соглашения.

⁵ Нижник Н.С., Бурданова Н.А. Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 88–90.

⁶ Закон Санкт-Петербурга от 21 ноября 2007 г. № 536–109 «О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству, назначению и выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством, и денежных средств на содержание детей, переданных на воспитание в приемные семьи, в Санкт-Петербурге» (ред. от 28.03.2019) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2007. 3 декабря; 2008. 4 февраля; 2 июня; 22 сентября; 2009. 10 марта; 27 апреля; 20 июля; 5 октября; 2010. 22 марта; 5 апреля; 3 мая; 1 ноября; 2011. 14 марта; 2012. 23 июля; 12 ноября; 24 декабря; 2013. 4 ноября; 2 декабря; 2014. 24 марта; 26 июня; URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/ npa-15.03.2017; URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npa-29.03.2019.

О подведомственности и подсудности споров, связанных с осуществлением личных родительских прав и обязанностей

Некоторые вопросы СК РФ относят к исключительной компетенции суда: о лишении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об ограничении родительских прав; об отмене ограничения родительских прав.

В случаях недостижения согласия между родителями по вопросам осуществления родительских прав (с привлечением органа опеки и попечительства либо без такового), а также в случае возникновения спора, рассмотрение которого законом отнесено к исключительной компетенции суда, родитель обращается в суд. Для обращения в надлежащий суд заявителю необходимо учитывать правила подведомственности и подсудности споров.

Споры, связанные с осуществлением родительских прав и обязанностей, могут разрешаться в порядке гражданского судопроизводства.

Разграничение дел по рассмотрению гражданских дел между судами разного уровня внутри системы судов общей юрисдикции осуществляется нормами родовой (предметной) подсудности, между судами одного уровня в зависимости от территории — территориальной подсудности⁷. Родовая (предметная) подсудность императивно закреплена в ст. 23, 24, 26, 27 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). Дела по спорам об осуществлении личных неимущественных родительских прав и обязанностей неподсудны Верховному Суду Российской Федерации, верховному суду республики, краевому, областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа. Рассмотрение дел по спорам об осуществлении личных неимущественных родительских прав и обязанностей отнесено к компетенции районных и равных им судов. Специализированные суды по семейным делам в России отсутствуют.

Длительное время родовая подсудность между районными судами и мировыми судьями была не определена. В редакции Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, действовавшей до 15 февраля 2010 г., предусматривалось, что если между супругами возникает спор о детях, то дела о расторжении брака между ними из подсудности мирового судьи исключались. Районному суду самостоятельные споры о детях не передавались. В настоящее время дела об осуществлении личных неимущественных родительских прав мировыми судьями не рассматриваются. Вместе с тем исковые требования об осуществлении родительских прав и обязанностей могут быть заявлены в ходе рассмотрения иного спора мировым судьей (в качестве изменения исковых требований в порядке ст. 39 ГПК РФ либо при предъявлении встречного иска). В таком случае дело подлежит передаче на рассмотрение районного суда (п. 3 ст. 33 ГПК РФ). Так, А. и Б. вступили с браком. У них родился несовершеннолетний сын. Семейные отношения не сложились. Супруг обратился к мировому судье с иском о расторжении

брака. Супруга — ответчик по делу предъявила встречный иск об определении места жительства сына с матерью. На рассмотрение суда был поставлен вопрос о передаче дела по подсудности. Мировой судья указал, что в соответствии со ст. 23 ГПК РФ мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях. Мировой судья изучил материалы дела и определил передать дело на рассмотрение в районный суд. Решение по исковым требованиям о расторжении брака и по встречным исковым требованиям об определении места жительства ребенка было постановлено районным судом⁸.

Иски по спорам об осуществлении неимущественных родительских прав и обязанностей предъявляются по месту жительства ответчика. Если место жительства ответчика неизвестно или ответчик не имеет места жительства на территории Российской Федерации, истец может предъявить иск по месту нахождения имущества ответчика либо по последнему известному месту жительства ответчика в Российской Федерации. Иски о взыскании алиментов совместно с требованием о лишении родительских прав могут быть предъявлены как по месту жительства истца, так и по месту жительства ответчика.

Согласно ч. 4 ст. 33 ГПК РФ споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются. Фактически спор о подсудности возникает, когда исковое заявление возвращается несколькими судами. Для устранения споров о подсудности судья Санкт-Петербургского городского суда И.А. Рогачев предложил внести ряд изменений в действующее гражданско-процессуальное законодательство. По его мнению, «истец должен быть наделен правом обратиться в вышестоящий суд с заявлением об оценке законности обоих этих определений и об установлении подсудности дела. Такая же возможность должна существовать и при «положительном пререкании», когда в двух различных судах рассматриваются одинаковые дела. Если противоречивые определения, касающиеся подсудности, вынесены судами разных субъектов Российской Федерации (что препятствует совместной проверке обоих определений в одном и том же суде субъекта), должна существовать возможность постановки соответствующего вопроса перед Верховным судом России»⁹. Позволим отметить практическую обусловленность и необходимость данного предложения, так как в процессе правоприменительной деятельности норма, теоретически направленная на защиту прав граждан на своевременное рассмотрение дел, о недопустимости споров о подсудности оборачивается во вред, препятствуя осуществлению права граждан на обращение в суд.

Таким образом, осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей в Российской Федерации обеспечивается средствами судебной защиты и предусматривает применение санкций за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение. Вопросы о перечне возможных судебных споров продолжают оставаться дис-

⁷ Кнышев В.П., Потапенко С.В., Горохов Б.А. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова. М.: Юрайт, 2007. С. 127.

⁸ Гражданское дело № 2-1188/06, рассмотренное 30 ноября 2006 г. Приморским районным судом Санкт-Петербурга // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

⁹ Рогачев И.А. Споры о подсудности // Юридическая практика. 2007. № 1-2. С. 2-5.

кусионными, однако полагаем, что есть основания считать перечень судебных споров ограниченным законом. Гражданские дела по спорам об осуществлении родительских прав и обязанностей рассматриваются районными судами в соответствии с требованиями территориальной подсудности. Обязательный досудебный порядок не пре-

дусмотрен. Родители вправе заключить соглашение об осуществлении родительских прав по своему усмотрению. Спор об осуществлении личных неимущественных родительских прав и обязанностей может быть разрешен во внесудебном порядке с участием органа опеки и попечительства.

Литература

1. Батова О.С. Проблемы классификации судебных споров, связанных с воспитанием детей / О.С. Батова // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 135–145.
2. Батова О.С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.С. Батова. Москва, 2007. 31 с.
3. Дергунова В.А. Теория и практика разрешения споров о детях в суде: опыт адвокатской деятельности : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.А. Дергунова. Москва, 2017. 29 с.
4. Кнышев В.П. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / В.П. Кнышев, С.В. Потапенко, Б.А. Горохов ; под редакцией В.М. Жуйкова. Москва : Юрайт, 2007. 667 с.
5. Кузина В.Е. Классификация семейно-правовых споров / В.Е. Кузина // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 31–34.
6. Нечаева А.М. Споры о детях / А.М. Нечаева ; ответственный редактор М.А. Шапкин. Москва : Юридическая литература, 1989. 156 с.
7. Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка : учебно-практическое пособие / А.М. Нечаева. Москва : Экзамен, 2003. 126 с.
8. Нижник Н.С. Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей / Н.С. Нижник, Н.А. Бурданова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 80–91.
9. Рогачев И.А. Споры о подсудности / И.А. Рогачев // Юридическая практика. 2007. № 1–2. С. 2–5.
10. Савельев Д.Б. Правовые позиции Верховного Суда РФ по семейным спорам : хрестоматия / Д.Б. Савельев. Москва : Проспект, 2016. 767 с.
11. Тригубович Н.В. Передача юрисдикции судебными или административными органами по спорам, связанным с воспитанием детей / Н.В. Тригубович // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 19–23.
12. Фомина Е.А. Споры о праве на воспитание детей: Материально-правовые и процессуально-правовые проблемы : диссертация кандидата юридических наук / Е.А. Фомина. Москва, 2004. 163 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-11-15

К вопросу о допустимости заключения супругами двух и более брачных договоров

Мыскин Антон Владимирович,
доцент кафедры гражданского права
Российской академии адвокатуры и нотариата,
кандидат юридических наук, доцент
ars-800@mail.ru

Могут ли муж и жена, состоящие в зарегистрированном браке, заключить между собой два и более брачных договора? Как быть, если такие последовательные брачные договоры не противоречат друг другу? А как следует поступать, если указанные брачные договоры содержат в себе содержательные противоречия? Можно ли ставить вопрос о признании совершенных брачных договоров недействительными? Именно поиску ответов на данные вопросы и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: брачный договор, противоречие брачных договоров, отмена брачного договора, аналогия закона.

On the Admissibility of Conclusion of Two and More Prenuptial Agreements by Spouses

Myskin Anton V.
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Russian Academy of Advocacy and Notaries
PhD (Law), Associate Professor

Can a husband and wife in a registered marriage enter into two or more marriage agreements with each other? What if such consistent marriage agreements do not contradict each other? What, then, should be done if the marriage contracts in question contain substantive contradictions? Could the question be raised of invalidating marriage contracts? It is the search for answers to these questions that this article is devoted to.

Keywords: marriage contract, contradiction of marriage contracts, abolition of marriage contract, analogy of law.

Наверное, не будет большим откровением, что мужчи-

на и женщина, состоящие в официальном зарегистриро-

ванном браке, в любой момент своей супружеской жизни могут заключить брачный договор, урегулировав свои

имущественные права и обязанности в соответствии с собственными потребностями и интересами. Более того, нормы отечественного семейного законодательства прямо предусматривают возможность заключения брачного договора и лицами, только намеревающимися вступить в брак. Как прямо указывается в п. 1 ст. 41 Семейного кодекса РФ (СК РФ), брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака. А второй абзац этой же нормы СК РФ предписывает, что брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации брака. Заключение супругами (лицами, вступающими в брак) брачного договора, как и многих иных гражданско-правовых сделок, является неотъемлемым элементом их гражданской правоспособности (ст. 17, 18 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)), от которой невозможно отказаться, либо ограничить каким-то определенным образом¹.

Причем жизнь не стоит на месте, и практика гражданского оборота постоянно подкидывает те или иные каверзные вопросы, связанные с различными аспектами применения конструкции брачного договора в реальной юридической деятельности. Один из таких неоднозначных вопросов касается возможности заключения супругами двух и более брачных договоров с различным гражданско-правовым и семейно-правовым содержанием. Как стоит относиться к таким брачным договорам? Имеют ли право супруги вообще заключать такие брачные договоры в различные временные интервалы у разных нотариусов? Можно ли ставить вопрос о признании предыдущего или последующего брачного договора недействительным, если последующим брачным договором не была определена юридическая судьба первоначального брачного договора? Как быть в случае внутреннего содержательного противоречия между двумя брачными договорами, заключенными одной супружеской парой? Что делать, если супруги заключают три и более брачных договора с определенной временной последовательностью (и такие случаи известны отечественной нотариальной практике)? Именно поиску ответов на данные злободневные вопросы и будет посвящена настоящая работа.

Но пойдём по порядку. Пожалуй, идеальный вариант, который, скорее всего, не вызовет каких-либо серьезных практических или теоретических затруднений, будет заключаться в том, что супруги, имеющие у себя действующий нотариально удостоверенный брачный договор, просто внесут в него необходимые изменения и (или) дополнения, если в этом появится соответствующая необходимость, оставив в целом такой брачный договор в силе. Ведь п. 1 ст. 43 СК РФ прямо устанавливает, что брачный договор может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супругов и такое соглашение совершается в той же [нотариальной] форме, что и сам брачный договор. Можно привести конкретный пример. Допустим, супруги в период брака на общие денежные средства приобрели жилое помещение, которое, соответственно, будет являться

их совместной супружеской собственностью (ст. 34 СК РФ). Далее супруги заключают брачный договор и переводят такое жилое помещение из разряда совместной в разряд общей долевой собственности с установлением в пользу каждого из супругов по 1/2 доле в общей вещи. Затем супруги в силу определенных жизненных обстоятельств принимают решение передать указанное жилое помещение в личную (индивидуальную) собственность одного из супругов. В этом случае супруги просто снесут соответствующие изменения в их действующий брачный договор (трансформируют долевую собственность в личную собственность супруга), в результате этого один из супругов станет индивидуальным собственником приобретенного в браке жилого помещения. Еще раз подчеркнем, что внесение необходимых изменений (дополнений) в существующий брачный договор является самым простым и удобным способом решения представленной задачи.

Возможен другой, не менее рациональный вариант. Супруги могут иметь заключенный между ними брачный договор. Однако жизненные (и, как возможное следствие, имущественные) обстоятельства одного или обоих супругов могут измениться кардинальным образом. Например, у супругов могут родиться общие дети, один из супругов внезапно может потерять высокооплачиваемую работу или, наоборот, неожиданно разбогатеть, став наследником или выиграв в лотерею; один из супругов может стать инвалидом, потеряв значительную часть своих доходов, или, наоборот, начать активно заниматься предпринимательской деятельностью. Все это может побудить супругов к существенному пересмотру заключенного между ними ранее брачного договора (например, переход с режима общей долевой собственности, установленного на супружеское имущество, на режим раздельной (индивидуальной) собственности, либо, наоборот, переход с режима личной собственности на режим совместной супружеской собственности). И в этом случае супруги могут полностью расторгнуть свой брачный договор и на его основе заключить новый. Причем акт об отмене существующего брачного договора может содержаться как в отдельном документе, заверенном в нотариальном порядке, так и в виде соответствующей записи в новом брачном договоре. Официальная отмена (расторжение) одного брачного договора и составление нового брачного договора также является весьма логичным способом регулирования имущественных взаимоотношений между супругами в условиях изменившихся жизненных обстоятельств. Такой способ также вряд ли породит какие-либо серьезные затруднения или проблемы в будущем.

Однако реальные юридические отношения, складывающиеся между супругами, могут развиваться и совершенно в другом гражданско-правовом ключе. Супруги, состоящие в браке, могут заключить два и более различных брачных договора, не изменив и не отменив брачные договоры, которые были составлены ими ранее. Такие договоры могут быть составлены спустя значительные промежутки времени. Они могут быть заверены у разных нотариусов². Супруги

¹ См. также: Бондов С.Н. Брачный договор. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000; Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М.: Ось-89, 2003.

² Понятно, что у нотариуса далеко не всегда есть техническая возможность узнать о ранее заключенных брачных договорах, особенно если речь идет о договорах, заключенных в девяностые или нулевые года.

в процессе нотариального удостоверения нового брачного договора по тем или иным причинам могут умолчать о существовании у них действующего брачного договора. И, в конце концов, велика вероятность того, что несколько брачных договоров, заключенных супругами в различное время, будут противоречить друг другу с точки зрения их гражданско-правового и семейно-правового содержания.

На данной почве, естественно, возникнет вопрос о том, как должна быть разрешена представленная юридическая коллизия? Как следует поступать нотариусу, судье либо иному правоприменителю, если перед ними будет лежать несколько брачных договоров, заключенных одними и теми же супругами, в различные периоды времени?

Со всей ответственностью нужно признать, что нормы отечественного семейного законодательства этот вопрос не решают никоим образом. Перед нами классический пример пробела в праве. Однако пробелы в праве, как известно, устраняются (восполняются) с помощью соответствующих юридических приемов, а именно приемов аналогии. Статья 5 СК РФ по этому поводу указывает следующее: «В случае, если отношения между членами семьи не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон и при отсутствии норм гражданского законодательства, прямо регулирующих указанные отношения, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)».

На наш взгляд, единственная норма гражданского (именно гражданского!) законодательства, которая может быть логически применена в порядке аналогии при регулировании данных общественных отношений, — это ст. 1130 ГК РФ, посвященная вопросам отмены или изменения завещания. В рамках данной статьи напрямую решается вопрос о юридической судьбе нескольких завещаний в случае составления завещателем в разное время двух и более завещаний, которые могут как противоречить, так и не противоречить друг другу. Применительно к тематике настоящей статьи нас будут интересовать только два положения, содержащиеся в упомянутой статье ГК РФ.

Первое — завещатель вправе посредством нового завещания отменить прежнее завещание в целом либо изменить его посредством отмены или изменения отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений (абз. 1 п. 2 ст. 1130 ГК РФ).

Второе — последующее завещание, не содержащее прямых указаний об отмене прежнего завещания или отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений, отменяет это прежнее завещание полностью или в части, в которой оно противоречит последующему завещанию (абз. 2 п. 2 ст. 1130 ГК РФ).

Содержание данных положений гражданского законодательства в принципе достаточно просто. Если одно лицо в различные периоды времени составляет два и более завещания, не отменяя и не изменяя предыдущие завещания, и если соответствующие завещательные распоряжения не противоречат друг другу, то все составленные завещателем завещания будут иметь полную юридическую силу и в случае открытия наследства в обязательном порядке

должны учитываться при определении круга наследников и объектов наследственной массы. Если же два и более завещания будут противоречить друг другу с точки зрения сделанных в них завещательных распоряжений, приоритет будет отдан последнему по времени завещанию (последняя воля завещателя, выраженная в соответствующем завещании, будет иметь преимущество по отношению к его воле предыдущей)³.

Проиллюстрируем все сказанное краткими примерами из этой области. Допустим, некое лицо составляет завещание, по которому принадлежащий ему автомобиль такое лицо завещает своему сыну. Спустя какое-то время завещатель составляет второе завещание (не отменив первое), по которому принадлежащий ему земельный участок он завещает своей дочери. Проходит еще какое-то время, и завещатель составляет третье завещание, по которому принадлежащее ему жилое помещение он завещает своей супруге. Позже завещатель умирает, в результате чего происходит открытие наследства. В результате того что ни одно из составленных завещаний не противоречит друг другу, а в последующих завещаниях нет прямых указаний об отмене (изменении) завещаний предыдущих, все составленные наследодателем завещания будут иметь полную юридическую силу. И сын, и дочь, и жена будут призваны в качестве наследников по завещанию в отношении завещанных им объектов без какой-либо внутренней наследственной конкуренции.

Другой пример. Завещатель составляет завещание на все свое имущество в пользу жены. По прошествии определенного времени завещатель, без отмены или изменения предыдущего завещания, завещает принадлежащий ему на праве собственности автомобиль в пользу своего сына от первого брака. Затем завещатель умирает. Налицо противоречие двух завещаний. В этом случае жена унаследует (в случае принятия ею наследства) все имущество умершего мужа, за исключением автомобиля. Автомобиль в порядке наследования по завещанию перейдет к сыну умершего в соответствии с последующим завещанием.

Теперь вернемся к конструкции брачного договора. Каким же образом нам необходимо относиться к такому явлению, когда супруги в период существования их брака заключают два и более брачных договора, напрямую не отменяя и не изменяя брачные договоры, составленные (нотариально заверенные) ранее? Со всей ответственностью необходимо признать, что у супругов существует право на такое поведение, несмотря на некую юридическую некорректность последнего. Супруги действительно имеют право заключить между собой два и более брачных договора, не определяя гражданско-правовую судьбу ранее заключенных договоров, и количество таких брачных договоров в принципе неограниченно. Рассматриваемое поведение супругов в данном случае не нужно воспринимать как некое гражданское или семейное правонарушение, злоупотребление правом с их стороны или как акт недобросовестного поведения. Еще раз повторим, что у супругов действитель-

³ См. также: Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. С. 89–95; Черемных Г.Г. Наследственное право России. М.: Юрайт, 2015. С. 206–207.

но есть право иметь такое количество брачных договоров, какое они захотят; гражданский порядок не может этому помешать. Однако в том случае, если заключенные между супругами брачные договоры будут противоречить друг другу, при решении возникшей коллизии в порядке аналогии закона должны применяться предписания ст. 1130 ГК РФ о составлении лицом двух и более завещаний.

Проиллюстрируем все сказанное конкретными примерами. Допустим, одному из супругов до вступления в брак на праве единоличной собственности принадлежало жилое помещение. В соответствии с нормами семейного законодательства (ст. 36 СК РФ) такое добрачное имущество будет считаться личной (индивидуальной) собственностью одного из супругов. Супруг-собственник хочет, чтобы указанное жилое помещение стало совместной супружеской собственностью. В этом случае супруги заключают брачный договор, где они прямо и установят, что жилое помещение, находящееся у супруга на праве единоличной собственности, с момента заключения брачного договора и последующей государственной регистрации возникновения права перейдет в общую совместную супружескую собственность обоих супругов.

Проходит определенный промежуток времени. Супруги приобретают земельный участок. В соответствии со ст. 34 СК РФ такой объект недвижимости будет находиться в их совместной собственности. Однако супруги хотят, чтобы приобретенная ими земля находилась в их общей долевой собственности с четко обозначенными размерами долей. Супруги заключают второй брачный договор (не отменяя и не отменяя брачный договор предыдущий), где также записывают, что приобретенный ими земельный участок с момента заключения брачного договора (государственной регистрации) поступает в их общую долевую собственность, при этом доли супругов составляют, например, по $\frac{1}{2}$ доли в праве.

Проходит еще определенное время, и супруги приобретают автомобиль. Супруги приходят к соглашению, что данный автомобиль должен считаться личной собственностью одного из супругов, а другой супруг полностью отказывается от каких-либо имущественных прав на него. Для достижения данных целей супруги заключают третий брачный договор (опять же не отменяя и не изменяя своих предыдущих брачных договоров), где и устанавливают соответствующее правовое регулирование.

Каким же образом необходимо относиться ко всем брачным договорам, заключенным супругами в различные периоды времени? В представленных примерах все три брачных договора касались различных объектов (жилое помещение, земельный участок и автомобиль). На каждый из представленных объектов был установлен различный юридический режим – режим совместной, долевой и раздельной собственности соответственно. Последующие брачные договоры не содержат никаких специальных указаний относительно юридической судьбы ранее заключенных брачных договоров – их полной отмены или соответствующего изменения. Все три брачных договора с содержательной точки зрения не противоречат друг другу. Следовательно, используя в порядке аналогии юридическую модель, заложенную в ст. 1130 ГК РФ, можно смело утверждать, что все

три брачных договора должны иметь полную юридическую силу и такие договоры должны полноценно регулировать имущественные правоотношения между супругами в соответствии с их внутренним гражданско-правовым содержанием. Противоположенное решение этого вопроса выглядело бы как-то нелогично и нерационально. По крайней мере вряд ли можно утверждать, что, устанавливая в третьем брачном договоре режим раздельной собственности на приобретенный автомобиль, супруги автоматически желали вернуть добрачное жилое помещение обратно в личную собственность одного из супругов, а «долевой» земельный участок вернуть в совместную (бездолевою) собственность.

Теперь рассмотрим другой блок примеров. Допустим, супруги в период существования их брака приобрели индивидуальный жилой дом. Такой дом является совместной супружеской собственностью. В дальнейшем супруги пришли к соглашению, что такой дом должен поступить в долевую собственность обоих супругов, при этом доля жены должна составить $\frac{3}{4}$ доли в праве, а доля мужа, соответственно, $\frac{1}{4}$ долю. Для этой цели супруги заключают брачный договор, где и устанавливают соответствующее правовое регулирование. Проходит какое-то время и в жизни супругов наступают определенные жизненные обстоятельства, которые заставляют их пересмотреть свои существующие имущественные отношения. На этом фоне супруги приходят к новому соглашению, что жилой дом, находящийся в их долевой собственности, должен перейти в индивидуальную и нераздельную собственность жены, а муж готов произвести полное отчуждение принадлежащей ему $\frac{1}{4}$ доли в пользу жены. С этой целью супруги заключают новый брачный договор (без официальной отмены или изменения их предыдущего брачного договора и не ставя нотариуса в известность, что между ними существует действующий брачный договор), где такие супруги и устанавливают соответствующий режим раздельной собственности.

Итак, перед нами два брачных договора с противоречивым гражданско-правовым содержанием. Первый брачный договор устанавливает режим долевой собственности на приобретенный жилой дом, а вторым брачным договором на этот же самый дом установлен режим раздельной (индивидуальной) собственности. Однако использование в порядке аналогии ст. 1130 ГК РФ расставит все на свои места. Ввиду того что более поздняя воля супругов, отраженная в их втором брачном договоре, была направлена на установление личной собственности жены в отношении жилого дома, именно второй по времени брачный договор и должен приниматься во внимание как первоисточник в регулировании их взаимных имущественных отношений. Первоначальный брачный договор, устанавливающий долевую собственность, несмотря на отсутствие его официальной отмены или изменения, должен считаться утратившим свою силу. В семейном праве, как и в праве наследственном, при разрешении описанных коллизий должен действовать принцип, в соответствии с которым последующая воля, отраженная в совершенной сделке, всегда имеет преимущество по отношению к воле предшествующей, если, конечно, такая последующая воля не была сформирована в результате насилия, угрозы, шантажа и иных аналогичных негативных факторов.

Можно привести и другой пример, зафиксированный в практике Верховного Суда РФ. Мужу на праве единоличной собственности принадлежала квартира. 23 января 2007 г. между супругами был заключен брачный договор, по условиям которого в случае расторжения брака по инициативе мужа 1/2 доля принадлежащей ему квартиры переходит в собственность жены. 2 февраля 2007 г. (т.е. спустя 10 дней!) между супругами был заключен новый брачный договор в отношении этой же квартиры. Теперь соответствующее условие брачного договора звучало следующим образом: в случае расторжения брака, а также в случае прекращения брака ввиду смерти мужа супруга (жена) сохраняет за собой пожизненное право на проживание, пользование и

регистрацию в указанной квартире⁴. К сожалению, Верховный Суд РФ в обозначенном деле никоим образом не высказался по вопросу, какому из двух брачных договоров должно быть отдано предпочтение при их взаимном противоречии, так как возникший между супругами спор касался совершенно иного вопроса (муж после расторжения брака продал квартиру постороннему лицу без согласия жены). Однако приведенный пример весьма показателен тем, что проблема заключения супругами двух и более брачных договоров с каждым годом набирает свои обороты.

⁴ Подробнее см.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 4-КГ16-42.

Литература

1. Бондов С.Н. Брачный договор : учебное пособие для вузов / С.Н. Бондов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 95 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий к разделу V : Наследственное право / под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2013. 264 с.
3. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве / Л.Б. Максимович. Москва : Ось-89, 2003. 144 с.
4. Черемных Г.Г. Наследственное право России / Г.Г. Черемных. Москва : Юрайт, 2015. 516 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-15-18

Практика реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях

Побережный Сергей Григорьевич,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права
serge-poberezhny@yandex.ru

В современной предпринимательской деятельности супруги достаточно часто становятся участниками корпоративных правоотношений. Потенциальная возможность держателя корпоративных прав реализовать принадлежащие ему права, в рамках его супружеского правового статуса, имеет достаточно важное значение как для самого держателя прав, так и для иных членов хозяйственного общества, так как именно возможность распоряжаться своими корпоративными правами в своем интересе и составляет смысловое наполнение его правового статуса как субъекта корпоративных отношений и отношений супружества. В статье определены юридические пределы реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: супруги, сделки, доли в капитале, корпоративные правоотношения, имущественные права, судебная практика.

The Practice of Exercising of Rights of Spouses in Corporate Relationships

Poberezhny Sergey G.
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

In modern business activities spouses often become participants in corporate legal relations. The potential holder of corporate rights to implement the rights belonging to him, within his legal marital status is sufficiently important for both the rights holder and other members of the economic society, as it is the opportunity to use its corporate rights in their interest and is meaningful to its legal status as a subject of corporate relations and marriage. The article defines the legal limits of the implementation of the rights of spouses in corporate legal relations, and makes suggestions for improving the legislation.

Keywords: spouses, transactions, equity interests, corporate legal relations, property rights, judicial practice.

Владея акциями, долями корпоративного юридического образования, супруги имеют возможность управлять

делами компании, давать обязательные для исполнения указания, контролировать деятельность компании, опре-

делять направления и стратегию деятельности компании, требовать выплаты дивидендов, возмещения убытков и иным образом, в соответствии с законом и уставными документами, участвовать в жизни компании. Итак, участники хозяйственных обществ, основываясь на факте владения акциями или долями, приобретают определенный правовой статус и соответствующий перечень корпоративных прав. Например, в абз. 4 ч. 1 ст. 8 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО)¹ закреплено правомочие владельца доли общества отчуждать свою долю целиком или частично по своему усмотрению. Кроме того, владелец доли общества имеет право получить часть имущества общества (пропорционально размеру своей доли), которое останется после ликвидации общества и погашения всех предъявленных к обществу требований (абз. 6 ч. 1 ст. 8 Закона об ООО).

Вместе с тем, как представляется, осуществление корпоративных прав супругов в период брака порождает целый ряд проблем, связанных с определением правовой природы, объема, порядка оформления, способов осуществления корпоративных прав супругов, в особенности при активной предпринимательской деятельности с их стороны в рамках правового статуса.

Общепризнано и в большинстве своем не оспаривается тот факт, что семейные правоотношения, связанные с осуществлением супругами предпринимательской деятельности, имеют межотраслевую природу². В то же время вопросы взаимосвязей семейного, корпоративного и предпринимательского права должным образом не исследованы. В сфере экономической деятельности супруги нередко являются участниками обязательственных, в том числе и корпоративных отношений.

Выступая владельцами долей, паев, акций супруги приобретают определенные корпоративные правомочия (участвовать в управлении компанией, знакомиться с делами компании, обжаловать решения и т.д.), а также имеют своей целью получение прибыли в зависимости от размера доли, пая или объема акции³. При этом необходимо понимать, что корпоративные правомочия первичны по отношению к доходам, получаемым от владения долями, паями и акциями.

Участие супругов в коммерческой корпоративной организации, как представляется, направлено в конечном счете прежде всего на получение прибыли в зависимости от размера доли или объема акции, иных ценных бумаг и долей. Отсюда следует, что правомочие владельца доли в уставном капитале хозяйственного общества, с одной стороны, предоставляет корпоративные права по управлению обществом (участию в судьбе общества), а с другой стороны, передает права на получение дивидендов и определенных денежных выплат. Зачастую права, принадлежа-

¹ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² См.: Левушкин А.Н. Реформирование межотраслевого регулирования семейных отношений // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 76.

³ Тагаева С.Н. Раздел общего имущества супругов и корпоративные правоотношения // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2019. С. 225.

щие супругам и вытекающие из участия в корпоративном юридическом лице, характеризуют как корпоративные.

Сложившаяся правоприменительная практика позволяет сделать вывод, что один из супругов или оба супруга достаточно часто осуществляют сделки с долями. Думается, что в ситуации коллизии норм корпоративного и семейного законодательства в вопросе регулирования семейного предпринимательства приоритет должны иметь нормы корпоративного и гражданского законодательства. Подобного мнения придерживается и судебная практика, зачастую в вопросе правового регулирования корпоративного участия одного супруга в уставном капитале юридического лица суды отдают приоритет нормам корпоративного права. В частности, суды указывают, что правовой режим совместного имущества супругов распространяется на доли в уставном капитале только в вопросе владения имущественными правами, порождаемыми этой долей и извлекаемыми из факта владения ею, но исключает право второго супруга каким-либо образом участвовать в управлении обществом. Такой вывод судов основывается на том посыле, что правовой статус участника общества регулируется корпоративным законодательством, а не семейным, в то время как режим совместного имущества супругов всецело относится к семейным правоотношениям. При этом супруг участника общества хотя и находится с последним в брачно-семейных отношениях, тем не менее по отношению к обществу является обычным третьим лицом без предоставления ему каких-либо прав и обязанностей по отношению к обществу⁴.

Среди ученых-правоведов нет единства мнений в вопросе квалификации заявления о выходе из общества. Некоторые правоведы стоят на позиции, что такое заявление является не чем иным, как односторонней сделкой. Другие ученые отстаивают мнение, что это заявление необходимо квалифицировать как акт волеизъявления владельца доли, а не как сделку. Третья группа исследователей убеждена, что заявление об отчуждении доли является юридически значимым сообщением участника общества самому обществу⁵.

Квалификация обсуждаемого заявления в качестве односторонней сделки порождает правовые последствия, выраженные в возможности второго супруга оспорить такую сделку (выход супруга из состава участников общества) по мотивам отсутствия его нотариально оформленного согласия на распоряжение общим имуществом супругов.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13 закреплена правовая позиция, в соответствии с которой, отчуждение доли участником общества самому обществу и последующее распределение этой доли между оставшимися участниками общества, может быть квалифицировано в качестве сделки, направленной на распоряжение общим имуществом супругов, нарушающей положения п. 2 ст. 35 СК РФ. Подобные сделки могут быть признаны судом недействительными только при доказанно-

⁴ См.: Постановление ФАС Центрального округа от 28 февраля 2013 г. по делу № А48-1462/2012 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 сентября 2016 г. № Ф05-14772/2016 по делу № А41-102533/15 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Илюшина М.Н. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: корпоративная процедура и односторонняя сделка // Нотариальный вестник. 2016. № 6. С. 33.

сти того факта, что приобретатель доли знал (или есть разумные предпосылки, что он должен был знать), что супруг участника, отчуждающего долю, был против такой сделки и не давал своего согласия⁶. Современная арбитражная судебная практика показывает, что зачастую суды воспринимает именно этот правовой подход.

В результате оспаривания и признания сделки по отчуждению принадлежащей ему доли недействительной бывший участник общества вновь становится полноправным участником общества.

По нашему мнению, в первую очередь правовой целью действий, направленных на выход участника общества из общества, является именно прекращение корпоративных взаимоотношений между участником и обществом. Вопросы получения потенциального дохода или возникновения убытков, связанных с выходом из общества, а также вопросы распоряжения общим имуществом супругов хотя и взаимосвязаны с действиями по отчуждению доли, но они являются субсидиарными по отношению к основной цели — прекратить свой правовой статус участника общества. Соответственно, субсидиарные последствия не могут занимать доминирующее положение над основной правовой целью и влиять на возможность ее достижения.

Анализируя частный случая выхода супруга из общества, когда участнику общества действительная стоимость его доли была выплачена в натуральной форме — путем передачи недвижимого имущества, Арбитражный суд Уральского округа постановил, что таким образом стороны поменяли форму расчета, однако содержание сделки осталось прежним. В связи с чем отношения общества и бывшего участника общества не могут быть квалифицированы как сделка по распоряжению недвижимым имуществом⁷.

Мы поддерживаем мнение С.Ю. Чашковой, которая предлагает классифицировать корпоративные сделки с участием лиц, состоящих в зарегистрированном браке, на две группы:

1) сделки, направленные на реализацию неимущественных корпоративных полномочий участника по управлению юридическим лицом;

2) сделки по распоряжению общим имуществом супругов, направленные на реализацию имущественных прав, основанных на корпоративном участии (к примеру, сделки по правилам п. 1, 2, 5 и 11 ст. 21 Закона об ООО)⁸.

Предлагаемая классификация важна для однозначного уяснения правового статуса супруга, участника корпоративных отношений и вопроса: применяются ли к конкретным корпоративным отношениям с участием лица, состоящего в браке, положения семейного законодательства в части сделок с общим имуществом супругов или нет?

Соответственно, в случае совершения сделок, относящихся к первой группе, положения семейного и граждан-

ского законодательства, регулирующие общее имущество супругов, не применяются. В случае совершения сделок, отнесенных ко второй группе, подлежат применению нормы семейного и гражданского законодательства в части совершения одним супругом сделок с общим имуществом супругов. Очевидно, что ко второй группе сделок будут применимы положения семейного и гражданского законодательства о признании сделки недействительной в случае отсутствия согласия второго супруга.

На наш взгляд, применительно к представленной классификации сделка по отчуждению доли общества в пользу самого общества не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов, поскольку она преследует своей целью не получение имущественного представления от общества в обмен на долю, а выход из состава участников общества, что является проявлением неимущественного корпоративного интереса супруга.

С учетом того что в рассматриваемой ситуации отсутствуют действия по распоряжению общим имуществом супругов, то для удостоверения заявления о выходе супруга-участника из состава общества нет необходимости истребовать согласие второго супруга, поскольку такое требование противоречит содержанию личных неимущественных корпоративных отношений, складывающихся между обществом и его участником, и вторгается в его правовой статус. Но при этом с формальной точки зрения можно прийти к выводу, что формулировка п. 1 ст. 26 Закона об ООО обязывает участников корпоративных отношений удостовериться в наличии согласия второго супруга.

Представляется, что выходом из такой ситуации является необходимость исключить из текста п. 1 ст. 26 Закона об ООО словосочетание «путем отчуждения доли обществу».

Следует согласиться с высказанным в доктрине мнением А.Н. Левушкина, что в основу создания и функционирования семейного бизнеса положены семейные отношения, супружеские связи, основанные на принадлежности к браку и семье, которые имеют семейно-ценностный компонент и доверительный характер. В то же время на семейный бизнес влияют и другие, в том числе публично-правовые, факторы, в частности государственная политика в отношении бизнес-сообщества, восприятие такого бизнеса общественностью, социально-экономическая ситуация в стране и др.⁹

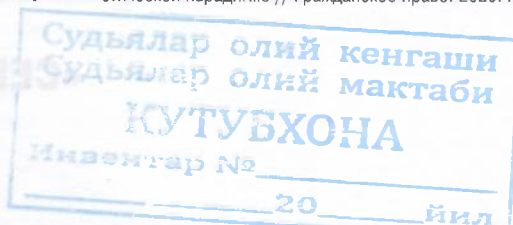
Достаточно актуальным с точки зрения практики применения является вопрос определения возможности пользования и распоряжения имуществом супругов в случае банкротства одного из них, в особенности если имеется статус индивидуального предпринимателя. В целях исключения обращений взысканий по задолженностям обанкротившегося предпринимателя на имущество, принадлежащее ему вместе с супругом на праве общей собственности, и возможных спорных ситуаций по распоряжению таким имуществом представляется необходимым первоначально расторгнуть брак и осуществить раздел имущества и предпринимательских активов супругов, затем возможно инициирование процедуры признания супруга-предприни-

⁶ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2018 г. по делу № А43-20380/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 февраля 2018 г. № Ф09-206/18 по делу № А76-1935/2017 // Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

⁸ См.: Чашкова С.Ю. К вопросу об ограничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав // Юстиция. 2016. № 1. С. 47–55.

⁹ См.: Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. 2020. № 2. С. 4.

мателя банкротом. К сожалению, законодательно не урегулирована ситуация возможного «совместного» банкротства супругов. Неразрешенность данных проблем порождает неопределенность и противоречивость судебно-арбитражной практики. Так, Верховный Суд РФ отказался передать дело для рассмотрения, поскольку действующее законодательство не допускает совместного банкротства супругов¹⁰. По другому делу совместное заявление супругов о признании их банкротами было удовлетворено¹¹.

Сформулируем основные выводы и некоторые предложения.

1. Представляется, что к правовому регулированию общего имущества супругов и содержанию правового статуса супругов в этой части необходимо применять подход долевой собственности, в соответствии с которым у супругов может быть разнонаправленный интерес по отношению к одному имуществу. В то время как в действующем законодательстве наличия разнонаправленного интереса у супругов не предполагается¹².

2. При создании для осуществления предпринимательской деятельности юридического лица у его учредителя (участника) не возникает отношений собственности на имущество юридического лица. Супруг-предприниматель имеет корпоративные права.

В результате владения долями в уставном капитале общества у владельца доли — супруга возникает специальный правовой статус, который порождает две группы прав: право участия (членства) и право на выплату, приходящуюся на долю части прибыли. Зачастую права, вытекающие из

участия в корпоративном юридическом лице, характеризуют как корпоративные.

3. Основываясь на изложенных в настоящем параграфе положениях, можно сделать вывод, что имущественные права супругов, удостоверяемые долями в уставном капитале, принадлежат им обоим и осуществление имущественных прав в отношении доли осуществляется по согласию супругов. В свою очередь, вопрос о корпоративных правах супругов выпадает из поля зрения действующего законодательства, в результате чего непонятно: корпоративные права осуществляются супругами по взаимному согласию или они осуществляются супругом, владельцем доли? Решение данного вопроса крайне важно для понимания: имеет ли второй супруг какие-либо корпоративные права на основе того, что второй супруг владеет долей в обществе, или нет?

4. Думается, что в ситуации коллизии норм предпринимательского, корпоративного и семейного законодательства в вопросе регулирования правового статуса супруга-предпринимателя приоритет должны иметь нормы корпоративного законодательства¹³. Однако такая иерархия норм не должна нарушать баланс семейных и корпоративных отношений с учетом того, что семейные отношения — это лично-доверительные отношения супругов и других членов семьи, регулируемые в том числе нормами морали и нравственности.

5. Считаем необходимым решение вопроса о возможном возмещении убытков супругу, причиненных действиями лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ), в том числе другого супруга.

6. Полагаем, что необходимо установление обязательной государственной регистрации возникновения права общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество, используемое в предпринимательской деятельности, когда такое право возникает в силу закона.

¹⁰ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 5 мая 2017 г. № 307-ЭС17-4301 по делу № А56-91219/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 ноября 2015 г. № А45-20897/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/xvfw6u5DAVX/>

¹² Побережный С.Г. Основные направления развития правового регулирования имущественных отношений супругов в Российской Федерации // Советник юриста. 2017. № 11. С. 47.

¹³ См.: например: Постановление ФАС Центрального округа от 28 февраля 2013 г. по делу № А48-1462/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Илюшина М.Н. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью: корпоративная процедура и односторонняя сделка / М.Н. Илюшина // Нотариальный вестник. 2016. № 6. С. 33–40.
2. Левушкин А.Н. Реформирование межотраслевого регулирования семейных отношений / А.Н. Левушкин // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 75–77.
3. Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме / А.Н. Левушкин // Гражданское право. 2020. № 2. С. 3–7.
4. Побережный С.Г. Основные направления развития правового регулирования имущественных отношений супругов в Российской Федерации / С.Г. Побережный // Советник юриста. 2017. № 11. С. 43–48.
5. Тагаева С.Н. Раздел общего имущества супругов и корпоративные правоотношения / С.Н. Тагаева // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / С.В. Алборов [и др.]; ответственный редактор И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. Москва: Проспект, 2019. 480 с.
6. Чашкова С.Ю. К вопросу об отграничении имущественных прав супругов от их корпоративных прав / С.Ю. Чашкова // Юстиция. 2016. № 1. С. 47–55.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!
Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo>
 Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Принцип запрета дискриминации в семейном праве: вопросы теории и практики

Рыженков Анатолий Яковлевич,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
4077778@list.ru

В статье исследуется один из основополагающих принципов российского семейного права. Проанализировав действующее законодательство и судебную практику, автор аргументирует вывод о том, что в современной России отсутствует семейная дискриминация по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, однако сохраняется по половому признаку, что требует корректировки семейного законодательства.

Ключевые слова: дискриминация, семья, право, суд, пол, нация, раса, брак, религия.

The Discrimination Prohibition Principle in Family Law: Issues of Theory and Practice

Ryzenkov Anatoliy Ya.
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Kalmyk State University
LL.D., Professor

The article examines one of the fundamental principles of Russian family law. After analyzing the current legislation and judicial practice, the author argues that in modern Russia, there is no family discrimination based on social, racial, national, linguistic or religious affiliation, but it persists on the basis of gender, which requires adjustment of family legislation.

Keywords: discrimination, family, law, court, gender, nation, race, marriage, religion.

Принципы семейного права – это основополагающие элементы российского семейного права, характеризующие его сущность, целостность и внутреннее единство. Данные принципы лежат в основе семейного права, определяют основные направления его дальнейшего развития, могут быть использованы судами при разрешении семейных споров в случае пробелов в праве.

Исследуемый принцип (его полное название в ст. 1 Семейного кодекса РФ (СК РФ) – «запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности») носит межотраслевой характер и является детализацией более рамочного конституционного принципа, изложенного в ч. 2 ст. 19 Конституции России, согласно которому «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным

объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Сопоставление рамочного конституционного принципа и специального принципа, сформулированного в ст. 1 СК РФ, позволяет прийти к выводу об их почти полном совпадении, за исключением одного обстоятельства. Конституция РФ гарантирует гражданам равенство, в том числе независимо от пола, однако СК РФ запрет ограничений прав граждан по половому признаку не упоминает. Как будет показано далее, данный подход имеет свое объяснение.

Установление запрета на ограничения прав граждан требует исследования содержания категории «ограничение» с точки зрения семейного права. В правовой науке под ограничением семейных прав понимается установление законом границ (рамки) «осуществления семейных прав в виде запретов, обязанностей либо санкций»¹. Данный вы-

¹ Лопаткина А.С. Ограничение семейных прав: вопросы классификации // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 113.

вод имеет один дискуссионный аспект, заключающийся в соотношении категорий «ограничение» и «ответственность (санкции)». Представляется, что установление в семейном праве запретов на ограничение прав граждан возлагает на органы власти соответствующие обязанности, запрещающая им произвольное умаление семейных прав граждан. В случае нарушения таких нормативных предписаний к виновным могут быть применены меры юридической ответственности. Таким образом, сами по себе санкции не устанавливают границ (рамок) осуществления семейных прав и применяются только в случае нарушения нормативных предписаний.

Как следует из п. 4 ст. 1 СК РФ, права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. Из данной нормы вытекает, например, запрет на брак между близкими родственниками (ст. 14 СК РФ); если жизни и здоровью ребенка угрожает опасность, он может быть отобран у родителей (ст. 77); ограничения родительских прав, прямо предусмотренные в ст. 73 СК РФ; ограничения прав мужа на расторжение (ст. 17); запрет на соединение супругами фамилий, если одна из них уже является двойной (ст. 31); необходимость получения нотариального согласия другого супруга (ст. 35 СК РФ) на отчуждение имущества, находящегося в общей собственности (например, земельного участка или иной недвижимости); ряд ограничений по содержанию брачного договора (п. 3 ст. 42 Семейного кодекса РФ); и т.д.

Изучение данного перечня позволяет провести несколько классификаций ограничений семейных прав, закрепленных в законодательстве. Во-первых, можно говорить об ограничениях имущественных и неимущественных семейных прав. Во-вторых, можно говорить об ограничениях, предусмотренных в отношении супругов, и ограничений, установленных в отношении детей. В-третьих, данные ограничения могут носить постоянный или временный характер (например, муж не может без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. Соответственно, по истечении этого времени он вправе это сделать).

При этом примечательно, что под действие перечня оснований введения ограничений, указанных в п. 4 ст. 1 СК РФ, подпадают не все ограничения, указанные в ряде статей Семейного кодекса РФ. Например, предусмотренный в ст. 31 СК РФ запрет на «тройные фамилии» не имеет отношения ни к нравственности, ни к здоровью и никак не нарушает «прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан». Представляется, что в данном случае мы видим ограничение, обусловленное «эстетическими соображениями» законодателя, не обусловленное задачами защиты базовых семейных ценностей, ради которых Конституция РФ и СК РФ обычно устанавливают ограничения.

Предусмотренный в исследуемом принципе запрет ограничений прав по мотивам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности означает следующее. Социальная принадлежность имела важное значение в первые десятилетия после Октябрьской

революции 1917 г., когда принадлежность к «эксплуаторским классам» влекла ущемление гражданина в правах (например, в избирательных правах). Расовая принадлежность означает отнесение человека к определенной расе, то есть группе людей, объединенных рядом наследственных физических признаков (цвет кожи, глаз, волос, форма черепа и т.д.). Национальная принадлежность означает отнесение человека к определенному этносу (нации), что проявляется в общности языка, культуры, самосознания и т.д. Язык также является провозглашением принадлежности человека к определенному этносу и важнейшим элементом культуры. Наконец, религиозная принадлежность — это отнесение человека к определенной религиозной группе (конфессии) на основе религиозных убеждений.

Указанные виды дискриминаций были характерны для нашей страны и многих стран мира в XIX — первой половине XX в., и поэтому их запрет был закреплен во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и других документах ООН, а также воспроизведен в конституциях большинства стран мира. В некоторых странах мира и сейчас сохраняется традиция запрета брака между мусульманином и не мусульманином (иудеем и не иудеем), однако в Российской Федерации подобного рода дискриминация в семейных правах является большой редкостью, а в случаях, если такие ограничения все-таки происходят, они получают свое разрешение в рамках судебной защиты семейных прав граждан. Так, по делу Н. органы опеки и попечительства, а затем и суд приняли решение о передаче ребенка отцу, мотивировав это принадлежностью матери к нетрадиционной церкви («Свидетели Иеговы»). Подавая жалобу в ЕСПЧ, Н. утверждала, что суд нарушил ее права и права ее ребенка на уважение частной и семейной жизни, а также право на свободу мысли, совести и религии. В итоге Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решения нижестоящих судов, а истица заключила с ответчиком мировое соглашение. При этом Судебная коллегия указала, что суды неправомерно вторглись в дискуссию относительно природы религиозной организации «Свидетели Иеговы».

Следует заметить, что Европейский Суд по правам человека дает намного больше аргументов для дискуссии о формах дискриминации семейных прав, чем национальное (российское) семейное законодательство и правоприменительная практика. Так, в 1967 г. Европейский суд по правам человека усмотрел нарушение Конвенции в том, что «в некоторых районах Бельгии дети из франкоязычных семей были лишены возможности получать школьное образование на родном языке»². В другом деле ЕСПЧ указал, что ст. 8 Конвенции относится в равной степени к семейной жизни граждан, как «вне законного брака», так и состоящих «в законном браке». Данная статья нарушалась тем, что в результате признания ребенка «внебрачной» дочерью заинтересованные лица оказались в ущемленном положении. Для того чтобы сохранить возможность распоряжения своим имуществом в пользу «внебрачного» ребенка по своему усмотрению, мать должна была отказаться от вступления

² Костаки Г., Боршевский А. Защита прав национальных меньшинств // Закон и жизнь. 2012. № 10. С. 7.

в законный брак. Суд указал, что приоритет традиционной семьи не является оправданием ущемления пар, живущих в «гражданском браке»³. При этом, несмотря на такое решение ЕСПЧ, из него все-таки нельзя «вывести обязательство наделить неженатые пары статусом, аналогичным статусу женатых, или ввести особый режим для конкретных категорий неженатых пар»⁴. Отдельный вопрос состоит в том, почему законодатель при конструировании исследуемого принципа упомянул запрет на дискриминацию по признаку языка, расы, религии и т.д., но не упомянул запрет дискриминации по признаку пола (хотя ст. 19 Конституции провозглашает равенство полов). Представляется, что дискриминация — «это всегда нарушение равенства, но не всякое отступление от равенства есть дискриминация. Если по отношению к дискриминации существует осознанное неприятие как со стороны граждан, так и со стороны демократических государств и мирового сообщества, то неравенство в ряде случаев оправданно и поощряется»⁵. Например, не будет являться дискриминацией государственная поддержка талантливых детей. Исходя из этого, обеспечить недопустимость дискриминации по признаку языка, национальности, расы и т.д. довольно просто (и это реально сделано в России), поскольку такого рода нарушения прав граждан носят слишком очевидный характер. Другое дело — ограничения семейных прав по половому признаку. Если муж не может подать на развод в период беременности жены и в течение первого года жизни ребенка (а жена по своему желанию может это сделать), налицо формальное нарушение принципа равенства и дискриминация по половому признаку. С другой стороны, подобные нормы в СК РФ (а их довольно много, например, правом требовать алиментов от бывшего супруга в порядке п.1 ст. 90 СК РФ наделена «бывшая жена», а не «супруг») нельзя рассматривать как «дискриминацию по половому признаку», поскольку, несмотря на равенство прав супругов, «мужчина и женщина равные, но разные, они равноправны в своей разности»⁶, т.е. у них существуют объективные физиологические отличия, которые право не может не учитывать.

Именно этим и обусловлены «привилегии женщинам» со стороны законодателя, которые нельзя рассматривать как нарушение прав мужчин (хотя разный пенсионный возраст и практика оставлять детей при разводе с матерью требуют обсуждения). Наиболее же вероятным представляется отсутствие упоминания о запрете «половой дискриминации» в ст. 1 СК РФ для того, чтобы не давать повода для злоупотребления таким правом лицами, желающими создать однополые браки. Таких попыток в последние годы было предпринято достаточно много (включая направление жалоб в ЕСПЧ), и в современной научной

литературе именно с этим обстоятельством связывается такой «пробел»⁷.

Наряду с традиционными вопросами о запрете дискриминации в сфере семейных отношений, научно-технический прогресс обуславливает новые проблемы, требующие нормативного разрешения. Так, в юридической практике нередки случаи, когда гражданин меняет пол, и на основании этого требует внесения изменений в документы органов ЗАГС. Согласно имеющейся практике, таким гражданам выдают новое свидетельство о рождении и они могут снова вступать в брак, являясь уже лицами другого пола⁸. Кроме того, распространение в последние годы медицинских технологий суррогатного материнства ставит вопрос о круге лиц, которые могут быть субъектами такого договора. Дело в том, что согласно ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. (ред. от 08.06.2020) № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на применение вспомогательных репродуктивных технологий имеют право мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина. При этом остается нерешенным вопрос о праве одинокого мужчины воспользоваться подобной услугой. Отсутствие такого права может толковаться как нарушение конституционного принципа равенства и дискриминация по половому признаку. Уже есть отдельные решения судов, направленные на устранение неопределенности и защищающие права одиноких мужчин, которые так же, как и одинокие женщины, вправе воспользоваться технологиями суррогатного материнства и стать отцами⁹.

В заключение стоит заметить, что вопрос о границах исследуемого принципа запрета дискриминации в семейных отношениях нельзя рассматривать вне контекста законодательства субъектов РФ, пытающегося (причем не всегда обоснованно) установить свои критерии поведения членов семьи. Так, Законом Ивановской области от 14 октября 2005 г. № 133-ОЗ была введена в действие ч. 8 ст. 10 Закона области от 6 мая 1997 г. № 9-ОЗ «О защите прав ребенка», предусматривающая, что в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья детей родители (законные представители) принимают меры по недопущению пребывания детей в возрасте до 16 лет в период времени суток с 22 часов в зимний период и с 23 часов в летний период и до 6 часов в кафе, барах, компьютерных клубах (салонах), на дискотеках, а также в иных общественных местах без сопровождения своих законных представителей. За неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей родители (законные представители) могли быть привлечены к административной ответственности. Заместитель прокурора Ивановской области обратился в суд с заявлением о признании противоречащими федеральному законодательству и не действующими со дня

³ Экштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции : учебное пособие для вузов. М. : Nota Bene, 2004. С. 115.

⁴ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. М. : Норма, 2002. С. 130.

⁵ Комкова Г.Н. Запрет дискриминации в российском и международном праве. Саратов : Изд-во ПАГС, 2003. С. 4.

⁶ Ларинбаева И.И. Юридическая онтология гендерного равноправия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 20.

⁷ Крусс В.Н. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12. С. 37–38.

⁸ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. С. 204.

⁹ Алиева З.З., Курбанова Г.М. Материально-правовые и процессуальные аспекты установления происхождения детей при использовании услуг суррогатных матерей // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 33. № 2. С. 136.

принятия данных норм, так как они были приняты областным законодателем с превышением своей компетенции и не соответствовали федеральному законодательству. Оспариваемые нормы ограничивали право несовершеннолетних на пребывание на улицах и в других общественных местах, однако отношения по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов детей непосредственно урегулированы СК РФ, регулирование этих отношений к ведению субъектов РФ не отнесено. Верховный Суд РФ в своем Определении от 12 декабря 2007 г. № 7-Г07-20 поддержал позицию нижестоящих судов, удовлетворивших заявление органов прокуратуры о признании недействующими указанных областных норм, тем самым не допустив дискриминацию детей по критерию возраста.

Итак, запрет дискриминации в сфере семейных отношений означает недопустимость умаления прав супругов или членов семьи посредством установления исключений, ограничений и предпочтений, обусловленных наличием социальных, национальных, языковых, расовых или религиозных мотивов.

Исследуемый принцип является продолжением принципа равенства прав супругов в семье, но не совпадает

с ним и имеет свое собственное содержание, создавая условия недопустимости нарушения семейных прав граждан. Сегодня запрет на дискриминацию по расовому, национальному и иным признакам, закрепленный в первых документах ООН и воспроизведенный в Конституции РФ и СК РФ, полноценно реализован в России. Наличие подобных дел в судебной практике – редкость. Это говорит о том, что угрозы семейным правам граждан, характерные для нашей страны вплоть до середины XX в., в современной России отсутствуют. При этом ст. 1 СК РФ не содержит запрет на «дискриминацию по половому признаку», и это вполне логично. Из числа установленных в СК РФ ограничений прав супругов по половому признаку (практически всегда – в интересах женщин) одни являются оправданными, другие же носят дискуссионный характер. В свою очередь, бурное развитие общественных отношений породило новые угрозы, прямо не предусмотренные в исследуемом принципе, равно как и СК РФ. В качестве таких примеров можно указать проблемы с изменением пола, использованием одинокими отцами технологий суррогатного материнства, а также ряд других случаев.

Литература

1. Алиева З.З. Материально-правовые и процессуальные аспекты установления происхождения детей при использовании услуг суррогатных матерей / З.З. Алиева, Г.М. Курбанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Т. 33. № 2. С. 134–140.
2. Комкова Г.Н. Запрет дискриминации в российском и международном праве / Г.Н. Комкова. Саратов : ПАГС, 2003. 166 с.
3. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общей редакцией В.А. Туманова, Л.М. Энтина. Москва : Норма, 2002. 336 с.
4. Костаки Г. Защита прав национальных меньшинств / Г. Костаки, А. Боршевский // Закон и жизнь. 2012. № 10. С. 4–11.
5. Крусс В.Н. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод / В.Н. Крусс // Государство и право. 2005. № 12. С. 30–42.
6. Ларинбаева И.И. Юридическая онтология гендерного равноправия : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.И. Ларинбаева. Саратов, 2004. 32 с.
7. Лопаткина А.С. Ограничение семейных прав: вопросы классификации / А.С. Лопаткина // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 113–115.
8. Эшштайн К. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции : учебное пособие для вузов / К. Эшштайн. Москва : Nota Bene, 2004. 496 с.

Внимание! Акция января!

Только в период с 28 декабря 2020 г. по 29 января 2021 г. при оформлении годовой подписки на журнал «Прокурор» скидка составит 30%! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться
по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества

Савельева Мария Владимировна,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
9380379@gmail.com

Доступность потребительского кредитования привела к распространению долговых обязательств в современной России. Большинство семей во время брака успевают обзавестись не только активами в виде имущественных прав, но и пассивами в виде долговых обязательств. Вопрос о правовом режиме таких долгов в период брака законодателем решен, но судьба общих обязательств супругов в случае раздела имущества в судебном порядке остается неразрешенной. В статье рассматриваются наметившиеся подходы к регулированию общих долговых обязательств в случае раздела общего имущества супругов в российской практике.

Ключевые слова: общие долги супругов, общее имущество супругов, ответственность супругов, обязательства супругов, общие долговые обязательства.

Demarcation of the Liability of Spouses Under Common Obligations in Marital Property Division

Savelyeva Maria V.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The availability of consumer credit has led to the spread of debt obligations in modern Russia. Most families during marriage manage to acquire not only assets in the form of property rights, but also liabilities in the form of debt obligations. The issue of the legal regime of such debts during marriage has been resolved by the legislator, but the fate of the spouses' common obligations in the event of a judicial division of property remains unresolved. The article discusses the emerging approaches to the regulation of common debt obligations in the case of the division of common property of spouses.

Keywords: common debts of spouses, common property of spouses, responsibility of spouses, obligations of spouses, common debt obligations.

Удовлетворение обязательств, возникающих у каждого из супругов в период брака, при законном режиме — режиме совместного имущества, разрешается в соответствии со ст. 45 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ): супруг отвечает своим имуществом, а в случае недостаточности личного имущества супруга кредитор вправе обратиться с иском на долю супруга в общем имуществе. Указанная норма затрагивает как интересы кредитора, требующего полного удовлетворения по обязательствам должника, так и интересы супруга, возможно нежелающего отвечать по долгам супруга-должника совместным имуществом, нажитым во время брака.

Очередность удовлетворения требований в случае признания должника-супруга банкротом разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря

2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». Сначала погашаются требования всех кредиторов из личного имущества должника, потом из общего имущества по общим обязательствам, приходящегося на долю должника, затем из общего имущества по общим обязательствам, а оставшаяся часть средств переходит супругу. Таким образом, супруг должника получает только оставшееся после кредиторов, но при этом рискует своим личным имуществом, которое может в период долгосрочного брака слиться с имуществом супруга-должника в общее имущество.

При разделе имущества супругов в случае расторжения брака вопрос о разделе общих супружеских долгов

решается иначе; в связи с отсутствием правовой определенности нет единообразия правового применения.

Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ (СК РФ) имущество, нажитое во время брака, является их совместной собственностью, однако в статье ничего не говорится о долговых обязательствах. Проблема возможности включения долгов в состав общего имущества супругов в российской правовой доктрине неоднозначна. Например, определяя буквально «совместно нажитое имущество» как имущество приобретенное, В.А. Рясенцев утверждает, что в общее имущество супругов долги не входят. Долги супруга могут покрываться за счет общего имущества, но сами они не образуют его составной части¹. Указанный подход разделяется учеными-цивиристами П.В. Алексием и И.В. Петровым, которые также приходят к выводу, что долги не включаются в состав имущества супругов². Иного взгляда придерживается В.П. Шахматов: «Если имущественная обязанность «нажита» во время брака, то ее можно отнести к пассиву имущества, принадлежащего обоим супругам»³. Е.А. Чефранова отмечает, что понятие «имущество» является собирательным и охватывает не только вещи и вещные права, но и обязательства, возникшие в период совместной жизни супругов⁴. Ю.Ф. Беспалов определяет, что термин «имущество» означает не только вещи, но и имущественные права, а также обязанности супругов. В состав общего имущества при распределении на него законного режима входят объекты, принадлежащие им на праве общей совместной собственности, а также права требования и долги⁵.

Законодатель также не предусмотрел в ст. 38 СК РФ, регулирующей раздел общего имущества супругов, специальных положений о судьбе долгов при отсутствии соглашения между супругами. Общие долги при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям – отмечено законодателем в п. 3 ст. 39 СК РФ. Этим же и объясняется положение п. 2 ст. 45 СК РФ: «Ответственность одного из супругов по долгам, сделанным другим супругом, основывается на общности их имущества, включая и общие долги».

В российской науке и практике сложилось единообразное представление о том, что долги входят в состав имущества. Однако при разделе общей совместной собственности супругов вопрос о судьбе обязательств решается в отрыве от раздела общего имущества. Так, Санкт-Петербургский городской суд отказал во взыскании долга по договору займа с обоих супругов и возложил обязанность только на бывшую жену, указав, что «факт снятия денежных средств, не в полном объеме, для оплаты по договору, который еще не был заключен, и без доказательств передачи данных

денежных средств ответчику, не может свидетельствовать о том, что данные денежные средства были потрачены на нужды семьи»⁶. Суд решил, что это послужило дополнительным основанием для признания долга личным долгом бывшей супруги. В то же время вопрос о судьбе активов общего имущества супругами не решался.

По нашему мнению, при спорах о разделе имущества необходимо рассматривать одновременно вопросы раздела активов и пассивов. Сложившаяся на сегодняшний день судебная практика раздела общей собственности супругов, нажитых вещей и прав требований в отрыве от решения раздела общих обязательств является неверной.

Второе опасение вызывает отсутствие перечня обязательств, относящихся к общим долгам супругов.

В случае заключения договора поручительства состоящим в браке поручителем не требуется согласие супруга, поскольку поручительство не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов. Супруг отвечает по обязательствам всем своим имуществом и взыскание может быть обращено на все его вещи. (Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. № 18-КГ16-23.) Однако в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)⁷ в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга.

Общими долгами в научной литературе признаются «долги, которые сделаны в период брака и возникли одновременно для обоих супругов из единого правового основания»⁸. Это, в частности, «обязательства, в которых участвуют оба супруга и соответственно оба выступают должниками перед третьими лицами (например, совместное получение ссуды в банке, приобретение товаров в кредит и т.д.)»⁹. Так, П.А. Ломакина отмечает «долги, возникающие из сделки, заключенной одним из супругов с согласия другого супруга, являются общими»¹⁰. Поэтому ответственность по ним может быть возложена по правилам абз. 1 п. 2 ст. 45 СК РФ на обоих супругов, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения супругами обязательств по соответствующей сделке кредиторы вправе обратиться как на общее имущество, так и личное имущество каждого из них. Разъясняя порядок взыскания по обязательствам с супругов и бывших супругов, Верховный Суд РФ указал: «Кредитор вправе потребовать исполнения обязательства без учета произошедшего распределения общих долгов; при этом супруг, исполнивший солидарную обязанность в размере, превышающем его долю, определенную в соответствии с условиями распре-

¹ Рясенцев В.А. Семейное право : учебник. М. : Юрид. лит., 1971. С. 89.

² Семейное право : учебник для студентов вузов / под ред. П.В. Алексиев, И.В. Петрова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. С. 120.

³ Законодательство о браке и семье. Практика применения, некоторые вопросы теории / В.П. Шахматов ; отв. ред. : И.В. Федоров. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 30.

⁴ Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов : научно-практическое пособие. М. : Эксмо, 2008. С. 47.

⁵ Семейное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. М. : ЮНИТИ-ДИНА, 2015. С. 225.

⁶ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 декабря 2017 г. № 33-25163/17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2020).

⁸ Тархов В.А. Имущественные отношения супругов. М. : Госюриздат, 1960. С. 16.

⁹ Пастухова С.О. Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 89.

¹⁰ Ломакина П.А. Правовое регулирование общих супружеских обязательств : сборник работ РШЧП : в 2 т. Т. 2: Особенная часть. М. : ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 125.

деления общих долгов, имеет право регрессного требования к другому супругу в пределах исполненного за вычетом доли, падающей на него самого» (Постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48).

К категории общих долгов правовая теория относит: долги, возникшие из неосновательного обогащения или сбережения имущества обоими супругами за счет имущества другого лица; долги, по которым супруги отвечают солидарно, например, из вреда, причиненного их общими детьми; долги, возникшие из сделок одного супруга с предварительного согласия другого супруга.

При законном режиме имущества супругов – режиме совместной собственности имущество является общим, и при распоряжении одним из супругов сделки общим имуществом действует презумпция согласия супруга. Законодательство не упоминает личные обязательства, регулируемая внедоговорной режим.

При управлении совместным имуществом также действует презумпция согласия. Однако, когда дело доходит до раздела долгов, нажитых в период законного режима совместного имущества, суд руководствуется п. 3 ст. 256 ГК РФ, взysкивая лишь долю в общем имуществе супругов, которая причиталась бы ему при разделе этого имущества. Такие имущественные отношения супругов имеют огромное значение для третьих лиц (кредиторов, должников, наследников), а значит, от их правильного правового регулирования зависит стабильность гражданского оборота. Кроме этого, вред наносит и ддящаяся общность имущества супругов¹¹. В отношении супругов после расторжения брака продолжает сохраняться режим общей совместной собственности, который по российскому праву не сопровождается специальным разделом нажитого во время брака имущества. Негативные последствия такого положения дел отчетливо прослеживаются в современной судебной практике по искам об оспаривании сделок по продаже общего имущества одним из бывших супругов¹².

На наш взгляд, главная проблема коренится в вопросе организации внутрисемейных имущественных отношений. Правовым системам известно несколько вариантов разрешения организации имущественных отношений супругов. И.А. Покровский в своей работе «Проблема личности в сфере семейных отношений» выделял три системы:

1. Система полной имущественной общности: в момент вступления в брак все отдельные имущества мужа и жены со всеми требованиями и долгами делаются общими; равно как и общим считается все имущество, что каждым из супругов приобретается во время брака.

2. Система частной общности: общим считается не все имущество, а только некоторые его виды. Чаще всего движимое имущество супругов или имущество, приобретенное после брака.

3. Система управления и пользования одним супругом. Имущество, принадлежащее жене до брака или во время

брака, остается ее собственностью, но находится в управлении и пользовании мужа¹³.

Д.И. Мейер различал четыре системы имущественных отношений между супругами:

1. Система общности имущества супругов.

2. Система дотальная – имущество жены, доставшееся от родителей или других лиц, поступает в пользование мужа; жене же в обеспечение ее права обязательства предоставляется право залога на имущество мужа.

3. Система древнеримского права – муж становится собственником имущества жены.

4. Система совершенного разъединения имущества прав супругов, так что брак не оказывает никакого влияния на их имущественные отношения¹⁴.

Д.И. Мейер и И.А. Покровский имели схожие взгляды, что российская система имущественных внутрисемейных отношений наиболее удачна в случае разлада брака.

Русское право исторически предусматривало раздельность имущества супругов. В ст. 109 ч. I Т. X Свода законов Российской империи устанавливалось, что «брак не составляет общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность»¹⁵. Супругам дозволялось не спрашивать разрешения на распоряжение имуществом. Соответственно, по обязательствам каждый из супругов отвечал самостоятельно, без участия другого.

Поэтому в случае несостоятельности одного из супругов имущество другого могло быть привлечено к ответственности только в особых случаях, указанных в законе, в целях предупреждения притворных сделок с супругом недобросовестного должника во вред кредиторам¹⁶.

В связи с изменениями правового режима имущественных отношений супругов, выбранного в качестве законного, в современном российском законодательстве проявляются проблемы разграничения ответственности по обязательствам между супругами.

Интересен опыт зарубежных правопорядков, например: Германское гражданское уложение (ГГУ), также предусматривающее в качестве законного режима общности имущества, в случае раздела имущества устанавливает первоначально и «очищение» общего имущества. При режиме общности имущества оно осуществляется первоначально в интересах кредиторов, т.е. супруги обязаны погасить обязательства общего имущества, и то, что останется после погашения обязательств общего имущества, причитается супругам в равных долях (§ 1474, 1475 ГГУ)¹⁷.

Вопрос ответственности супругов по долгам после расторжения брака в зарубежной литературе решается следующим образом: кредиторы должны иметь право на

¹³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 7-е изд. М.: Статут, 2016. С. 185–186.

¹⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. С. 749–750.

¹⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 7-е изд. М.: Статут, 2016. С. 130.

¹⁶ Победоносцев К.П. Курс гражданского права : в 2 т. Т. 2 / под ред. В.А. Токсина. М.: Зерцало, 2003. С. 130.

¹⁷ Гражданское уложение Германии : Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. Т.Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. М.: Инфотролик Медиа, 2015. С. 500.

¹¹ Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 4.

¹² Михеева Л.Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права — 2017 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2017. С. 339.

тот объем имущества, который был им доступен, если бы брак не был расторгнут¹⁸.

Австрийское гражданское право признает режим имущества супругов на основании закона раздельным (§ 1237 ВГК Австрии)¹⁹, поэтому каждый из супругов отвечает по своим долгам самостоятельно.

¹⁸ Ratner, J.R. Creditor and Debtor Windfalls from Divorce // Estate Planning and Community Property Law Journal. 2011. Vol. 3. P. 125.

¹⁹ Всеобщий гражданский кодекс Австрии / пер. с нем. [С.С. Маслов]. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 217.

Подводя итог, следует отметить, что существующий на сегодня в России режим общности имущества супругов после расторжения брака ввиду самой своей природы порождает сложности при определении имущественного положения супругов после расторжения брака. Подходы, предложенные на основе судебной практики, однобоки и ущемляют либо интересы бывших супругов, либо их кредиторов. Возможно, необходимо пересмотреть режим имущества супругов, выбранный в качестве законного.

Литература

1. Всеобщий гражданский кодекс Австрии / перевод с немецкого С.С. Маслова. Москва : Инфотропик Медиа ; Берлин, 2011. 272 с.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению : перевод с немецкого / введение, составление В. Бергманна ; научный редактор : Т.Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. Москва : Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.
3. Законодательство о браке и семье. Практика применения, некоторые вопросы теории / В.П. Шахматов ; ответственный редактор И.В. Федоров. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. 210 с.
4. Ломакина П.А. Правовое регулирование общих супружеских обязательств / П.А. Ломакина // Договоры и обязательства. В 2 томах. Т. 2. Особенная часть : сборник работ РШЧП / составители и ответственные редакторы : А.В. Егоров и А.А. Новицкая. Москва : ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 736–784.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право // Мейер Д.И. Избранные труды. В 2 томах. Т. 1 / Д.И. Мейер ; вступительное слово П.В. Крашенинникова ; составитель и ответственный редактор П.В. Крашенинников. Москва : Статут, 2019. 848 с.
6. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий / Л.Ю. Михеева // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.
7. Михеева Л.Ю. Развитие российского семейного законодательства / Л.Ю. Михеева // Кодификация российского частного права — 2017 / под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2017. С. 331–342.
8. Пастухова С.О. Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов : диссертация кандидата юридических наук / С.О. Пастухова. Москва, 2005. 153 с.
9. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 томах. Т. 2 / К.П. Победоносцев ; под редакцией и с предисловием В.А. Токсина. Москва : Зерцало, 2003. 656 с.
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. 7-е изд. Москва : Статут, 2016. 351 с.
11. Рясенцев В.А. Семейное право : учебник / В.А. Рясенцев. Москва : Юридическая литература, 1971. 296 с.
12. Семейное право : учебник для вузов / под редакцией Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. Москва : ЮНИТИ-ДИНА, 2015. 415 с.
13. Семейное право : учебник для студентов вузов / под редакцией П.В. Алексия, И.В. Петрова, А.Н. Кузбагарова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДИНА : Закон и право, 2015. 335 с.
14. Тархов В.А. Имущественные отношения супругов / В.А. Тархов // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье : тезисы докладов научной конференции, посвященной столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина / редколлегия : С.В. Бырдина, Ю.Х. Калмыков, Г.М. Степаненко, В.А. Тархов ; ответственный редактор К.С. Юдельсон. Саратов : Коммунист, 1969. С. 54–58.
15. Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов : научно-практическое пособие / Е.А. Чефранова. Москва : Эксмо, 2008. 271 с.
16. Ratner, J.R. Creditor and Debtor Windfalls from Divorce / J.R. Ratner // Estate Planning and Community Property Law Journal. 2011. Vol. 3. P. 211–240.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист»» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних*

Ситкова Ольга Юрьевна,
профессор кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
olga.sitkova@mail.ru

В статье анализируются нормы международных актов в сфере защиты прав человека, касающиеся права на доступ к информации. Автор статьи высказывает гипотезу о том, что правовой механизм, включающий в себя меры согласованного взаимодействия семьи и государства, наилучшим образом способствует реализации мер по защите детей от вредной информации в сочетании с сохранностью права ребенка на доступ к информации. В рамках данного направления в статье выявляется правовая природа права ребенка на доступ к информации. В статье проведен анализ положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции ООН о правах ребенка и ряда других международных актов в указанной сфере. Обобщена практика ЕСПЧ по делам, связанным с правом на свободу выражения своего мнения, что позволило определить правовую сущность этого права в контексте положений основных международных актов о защите прав человека.

Ключевые слова: ребенок, информация, вред, здоровье, психическое развитие, культурное развитие, Европейский суд по правам человека, Конвенция о правах ребенка, свобода выражать свое мнение, поиск информации, передача информации, ответственность родителей, обязательства государства.

The Legal Nature of the Child's Right to Access Information and the Restriction Thereof to Protect a Child Against Information Detrimental to the Mental Health and Development of Minors

Sitkova Olga Yu.
Professor of the Department of International Law
of the Saratov State Law Academy
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the norms of international acts in the field of human rights protection concerning the right to access information. The author of the article hypothesizes that the legal mechanism, which includes measures of coordinated interaction between the family and the state, best contributes to the implementation of measures to protect children from harmful information, combined with the preservation of the child's right to access information. Within the framework of this direction, the article reveals the legal nature of the child's right to access information. The article analyzes the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the UN Convention on the Rights of the Child and a number of other international acts in this area. The practice of the ECHR in cases related to the right to freedom of expression has been generalized, which made it possible to determine the legal essence of this right in the context of the provisions of the main international acts on the protection of human rights.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00570/20.

Keywords: child, information, harm, health, mental development, cultural development, the European Court of Human Rights, the Convention on the Rights of the Child, freedom of expression, information retrieval, information transfer, parental responsibility, obligations.

Актуальность данного исследования обусловлена насущной научной и практической потребностью поиска баланса интересов ребенка, родителей и государства при осуществлении защиты ребенка от вредной информации. Всеобщая декларация прав человека гарантирует каждому право на свободу мнений и их выражения. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19). По сути, аналогичные положения содержатся в Европейской конвенции о правах человека и основных свобод (далее – ЕКПЧОС) (ст. 10), тем не менее право, гарантированное в указанной норме, имеет иное содержание, предоставляя каждому право свободно выражать свое мнение. Это право, согласно положениям ЕКПЧОС, включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Таким образом, ст. 10 ЕКПЧОС включает в «право свободно выражать мнение» право искать, передавать и получать информацию. Право «искать» при этом может быть истолковано как включенное в право передавать и получать информацию.

В литературе упоминается, что такая гарантированная свобода в отношении поиска информации может привести к возможному расширению права на информацию, как это сделано во внутреннем законодательстве государств об информации¹. При этом анализ документов подготовительной работы над ЕКПЧОС дает возможность думать, что такая формулировка не была связана с желанием разработчиков ЕКПЧОС связать ст. 10 только с правом доступа к информации, находящейся в ведении публичных органов власти. Однако практика ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что ст. 10 ЕКПЧОС гарантирует право на доступ к информации, носящей публичный характер². Заявители, которые пытались убедить ЕСПЧ, что государство несет обязанность по предоставлению любой информации, а не только той, которая касается деятельности органов власти и т.п., потерпели поражение³. ЕСПЧ постановил, что свобода получения информации, гарантированная ст. 10 (1), в первую очередь является свободой доступа к общим источникам информации, которая не может быть ограничена позитивными действиями⁴.

Таким образом, правовые позиции ЕСПЧ позволяют сделать вывод о том, что ст. 10 ЕКПЧОС устанавливает

гарантии в отношении права на доступ к информации, находящейся в ведении органов власти.

Дебаты о свободе информации, которые начались в 1946 г. в связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции о проведении всемирной конференции по вопросам свободы информации, имели своей целью выявить и описать существенные особенности информационного процесса (процесса обмена информацией). В Замечаниях общего порядка о правах человека, принятых Комитетом по правам человека (1989 г.)⁵, подчеркивалось, что дети должны пользоваться всеми гражданскими правами, которые закреплены в Международном пакте о гражданских и политических правах. При этом необходимо учитывать, что в реальности дети с учетом их незрелости на практике не имеют способности, не обладают необходимыми качествами для того, чтобы осуществлять права, продекларированные в основополагающих актах о правах человека. В связи с чем включение их прав в текст собственно «детских» международных актов позволяет детям в полной мере иметь равные права со взрослыми людьми.

Международное право в сфере защиты прав человека гарантирует ребенку ряд прав, связанных так или иначе с информацией. Этому вопросу посвящены ст. 13–17 Конвенции о правах ребенка (далее – КЛР). Права ребенка, связанные с информацией, носят комплексный характер. В частности, в п. 1 ст. 13 КЛР указано, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение. Это право состоит из нескольких частей и, помимо прочего, «включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка». Право на доступ к информации является неотъемлемым аспектом свободы выражения мнения, поскольку оно позволяет гражданам иметь адекватное представление и формировать критическое мнение о состоянии общества, в котором они живут. Для этого право на доступ к информации включено в состав права на свободу выражения своего мнения (ст. 13 КЛР), которое, помимо прочего, включает в себя право на поиск, получение и передачу информации. При этом предполагается, что получение информации возможно из любого источника и в любой форме: устной, письменной, печатной и др. Право на выбор формы выражения информации КЛР предоставляет ребенку.

Осуществление права на информацию может подвергаться некоторым ограничениям, однако в качестве таковых могут быть только такие, которые предусмотрены законом и которые необходимы для уважения прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности или общественного порядка, а также здоровья или нравственности населения (п. 2 ст. 13 КЛР). Таким образом, буквально толкуя положения КЛР, ограничение права ребенка на

¹ Bullinger, M. Freedom of expression: an essential element of democracy. Report presented to the Sixth International Colloquy about the European Convention on Human Rights (Sevilla, 13–16 November 1985) // Human Rights Law Journal 1985. 1985. No. 2–4. P. 340.

² Voorhoof, D. Critical perspectives on the scope and interpretation of Article 10 of the European Convention on Human Rights. Mass media files No. 10. Strasbourg: Council of Europe Press, 1995.

³ Mowbray, Cf. A. The Development of Positive Obligations under the European Convention on Human Rights by the European Court of Human Rights. Oxford: Hart Publishing, 2007. P. 50.

⁴ Ruling of the European Court of Human Rights on the complaint № 10392/83 'Z v. Austria'. Decision of 13 April 1988. URL: <http://echr.ketse.com/doc/10392.83-en-19880413/view/> (дата обращения: 13.05.2020).

⁵ Замечания общего порядка, принятые Комитетом по правам человека. URL: https://csip.kg/documents/internationalhumanrightsinstruments/ICCPR_ZamObPor.pdf (дата обращения: 08.08.2020).

свободу выражения своего мнения посредством поиска, получения и передачи информации может быть установлено исключительно в публичных целях, но не в интересах самого несовершеннолетнего. Следует заметить, что в ходе обсуждения ст. 13 КПР в 1989 г. Немецкой демократической партией было высказано предложение добавить к имеющимся ограничениям еще одно: «духовное и моральное благополучие ребенка». Однако это предложение было отклонено на том основании, что еще одно основание для ограничения права будет излишним⁶.

При этом в Руководстве к КПР указывается, что «государства-участники обязаны рассматривать ребенка в качестве активного субъекта права». Государства-участники обязаны не только признавать права детей на законодательном уровне, но и установить механизм обеспечения их прав. В связи с чем указания на наличие гражданских прав в конституции государства оказывается недостаточно, необходимо прямо устанавливать права детей, гарантируемые ст. 13–17 КПР, а также предусмотреть, как эти права реализуются именно детьми, механизмы защиты этих прав. Комитет по правам ребенка на основании отчетов государств-участников делает вывод о том, что государства – участники КПР не в полной мере исполняют эти обязательства. В частности, указывается, что «Комитет в целом одобряет прогресс в продвижении гражданских прав и свобод ребенка, как это предусмотрено в ст. 13–17 КПР. Информация, предоставленная Комитету, указывает, что традиционные социальные установки относительно роли детей не позволяют считать детей носителями полной правоспособности»⁷.

Комитет отмечал, что страны принимают недостаточно усилий для реализации права ребенка на выражение своего мнения. В некоторых случаях Комитет указывал, что право ребенка на свободу выражения своего мнения ограничивается в семье (Доклад по Грузии CRC/C/15/Add.222, paras 28 and 29)⁸, в других случаях он обнаруживал, что установленной основным законом государства гарантии права ребенка на свободу выражения своего мнения недостаточно, для того чтобы обеспечить его реализацию, так как пробелы в законодательстве и отсутствие механизма обеспечения реализации этого права не позволяют считать, что право на свободу выражения своего мнения реализуется в полном объеме (Доклад по Албании CRC/C/15/Add.249, paras 36 and 37)⁹.

Дискуссия о том, есть ли у детей права, и если да, то какие права, а также масштаб и степень прав, бес-

конечна. При ответе на эти вопросы можно исходить из теорий воли и интереса. В соответствии с теорией воли обладание правом предполагает волю иметь право, волю отказываться от него и требовать его соблюдения. Авторы утверждают, что дети не могут иметь права на свободу выражения своего мнения потому, что они не могут сделать осознанный выбор. Например, К. МакЛауд утверждает, что по мере развития у детей познавательных и эмоциональных спо-собностей, освоения ими моральных норм диапазон информации, от которой они должны быть защищены, уменьшается. Соответственно, по мере взросления детей объем и содержание их прав на доступ к информации и выражение своего мнения увеличивается¹⁰. Таким образом, в соответствии с этой теорией, например, младенец не может иметь права на выражение мнения, поскольку у него мнение еще не сформировано, нет воли на обладание этим правом.

Сторонники теории интереса иначе подходят к этому вопросу, разъясняя, что неверно утверждать, что у младенцев нет права на выражение своего мнения. Напротив, свобода выражения мнения имеет аспект развития, и если она должным образом защищена, то это позволит ребенку развиваться в обществе наравне с другими, становиться гражданином, участвовать в общественной жизни как гражданин, а не просто как бессмысленный потребитель. Таким образом, инструментальная ценность свободы выражения играет ключевое значение в создании социальных и политических стимулов¹¹.

Рассуждая о праве на свободу выражения своего мнения, следует отметить его двойственный характер. С одной стороны, у ребенка такого права нет, так как нет сформированной воли, мнения и проч. Но при этом наличие этого права обеспечивает ребенку развитие как личности и гражданина. Дети должны развиваться как самостоятельные личности, и от них нельзя ожидать, что они станут таковыми магическим образом в 18 лет, не имея возможности ранее выражать свое мнение. О такой необходимости говорилось также и в выступлении Франка Ла Рю (специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение), представленном в соответствии с Резолюцией 25/2 Совета по правам человека¹².

Следовательно, на наш взгляд, идея о том, что дети не имеют права выражать своего мнения, так как у них его не сложилось (теория воли), в отличие от взрослых, не поддерживает критики. То, что дети осуществляют свои права иначе, чем взрослые, не означает, что у них нет прав, однако содержание их может быть ограничено. При этом недостающую детскую правосубъектность компенсируют родители (опекуны) на основе ст. 5 КПР. Осуществление детьми своего права на свободу выражения мнения расширяется по мере взросления, одновременно с этим право руководить ребенком в том смысле, которое предоставляется родителям (опекунам) в соответствии со ст. 5 КПР, уменьшается.

⁶ Langlaude, S. On How to Build a Positive Understanding of the Child's Right to Freedom of Expression // Human Rights Law Review. 2010. № 10 (1). P. 38.

⁷ Hodgkin, R., Newell, P. Implementation handbook for the convention on the rights of the child. URL: https://www.unicef.org/publications/files/Implementation_Handbook_for_the_Convention_on_the_Rights_of_the_Child_Part_1_of_3.pdf (дата обращения: 12.06.2020).

⁸ The material in this Handbook has been commissioned by the United Nations Children's Fund (UNICEF). The contents do not necessarily reflect the policies or the views of UNICEF. P. 179. URL: https://www.unicef.org/publications/files/Implementation_Handbook_for_the_Convention_on_the_Rights_of_the_Child_Part_1_of_3.pdf (дата обращения: 12.06.2020).

⁹ The material in this Handbook has been commissioned by the United Nations Children's Fund (UNICEF). The contents do not necessarily reflect the policies or the views of UNICEF. P. 179. URL: https://www.unicef.org/publications/files/Implementation_Handbook_for_the_Convention_on_the_Rights_of_the_Child_Part_1_of_3.pdf (дата обращения: 12.06.2020).

¹⁰ MacLeod, Colin M. A Liberal Theory of Freedom of Expression for Children // Chicago-Kent Law Review. 2004. № 79 (1). P. 67–68.

¹¹ Thorgeirsdóttir, H. Article 13. The Right to Freedom of Expression Martinus Nijhoff Publishers, Leiden. 2006. P. 27.

¹² Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. Sixty-ninth session. URL: <https://www.unhcr.org/refugees/4d4d4d4d> (дата обращения: 13.04.2020).

Право на доступ к информации, состоящее из права искать, получать и распространять информацию, гарантировано в ст. 13 КПР. В литературе указывается, что ребенку должна быть предоставлена специальная целевая забота о безопасности информации. Основным показателем полезности информации является благополучие детей, которые в силу объективных причин нуждаются в таком виде заботы¹³. Поиск информации и доступ к ней

¹³ Беспалов Ю.Ф. Информационная безопасность лиц с особым правовым статусом: социально-правовой аспект // Нотариус. 2020. № 1. С. 16.

важны для ребенка и его развития, в связи с чем дети должны иметь доступ к разнообразным культурным материалам, которые могут способствовать развитию способностей и могут стимулировать критическое мышление ребенка. Соответственно, дети должны иметь доступ к электронным и печатным СМИ, книгам, журналам, газетам, теле- и радиопрограммам. При этом государство должно обеспечить получение детьми качественной, полезной информации, а контроль за деятельностью ребенка в СМИ возлагается на родителей и других законных представителей.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Информационная безопасность лиц с особым правовым статусом: социально-правовой аспект / Ю.Ф. Беспалов // Нотариус. 2020. № 1. С. 16–17.
2. Bullinger, M. Freedom of expression: an essential element of democracy. Report presented to the Sixth International Colloquy about the European Convention on Human Rights (Sevilla, 13–16 November 1985) / M. Bullinger // Human Rights Law Journal. 1985. Vol. 24. P. 340.
3. Hodgkin, R. Implementation handbook for the convention on the rights of the child / R. Hodgkin, P. Newell. Fully revised third edition. United Nations Children's Fund, 2007. 817 p.
4. Langlaude, S. On How to Build a Positive Understanding of the Child's Right to Freedom of Expression / S. Langlaude // Human Rights Law Review. 2010. Vol. 10. Iss. 1. P. 33–66.
5. MacLeod, C.M. A Liberal Theory of Freedom of Expression for Children / C.M. MacLeod // Chicago-Kent Law Review. 2004. Vol. 79. Iss. 1. P. 55–82.
6. Mowbray, Cf.A. The Development of Positive Obligations under the European Convention on Human Rights / Cf.A. Mowbray. Oxford : Hart Publishing, 2007. 72 p.
7. Thorgeirsdóttir, H. Article 13. The Right to Freedom of Expression / H. Thorgeirsdóttir. Leiden Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 53 p.
8. Voorhoof, D. Critical perspectives on the scope and interpretation of Article 10 of the European Convention on Human Rights / D. Voorhoof. Mass media files No. 10. Strasbourg : Council of Europe Press, 1995. 66 p.

Издательская группа «Юрист» начинает подписку на комплект «Библиотека юридического вуза» на первое полугодие 2021 года

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс;
- Гражданское право;
- Информационное право;
- История государства и права;
- Конституционное и муниципальное право;
- Международное публичное и частное право;
- Семейное и жилищное право;
- Трудовое право в России и за рубежом;
- Финансовое право;
- Юридическое образование и наука;
- Юрист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.
Телефон: 8(495) 617-18-88.
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Некоторые проблемы применения мер защиты имущественных интересов одиноких матерей и отцов в связи с наступлением чрезвычайных ситуаций

Степанян Ани Самвеловна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ (РПА Минюста России)),
кандидат юридических наук
anistepanyan1981@gmail.com

В статье автор анализирует некоторые проблемы эффективного применения мер социальной защиты для одиноких матерей при наступлении риска несостоятельности (банкротства) в современных условиях рыночной экономики, связанных с наступлением пандемии COVID-19, которая привела к росту безработицы и поставила перед фактом отсутствия дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов некоторых членов семьи. Несмотря на принятые государством социальные меры защиты населения, среди них не получили отражения меры хотя бы временной защиты от требований кредиторов, в особенности одиноких матерей. Автором рассмотрена возможность реализации хотя бы на уровне судебной практики функции дополнительной защиты прав и законных интересов одиноких матерей при наступлении рисков несостоятельности (банкротства) и чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: семейные правоотношения, несостоятельность (банкротство), одинокие матери, принципы семейного права, страхование, социальные гарантии.

Some Issues of Application of Single Parent's Property Interest Protection Means in View of the Occurrence of an Emergency Situation

Stepanyan Ani S.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia))
PhD (Law)

In the article, the author analyzes some issues of effective application of social protection means by single mothers upon occurrence of an insolvency (bankruptcy) risk in the modern market economy conditions related to the COVID-19 pandemic, which triggered the growth of unemployment and exposed the absence of any additional guarantees of protection of rights and legal interests of some family members. Although the government has adopted some social means of protection of the population, at least temporary protection of people (especially single mothers) against creditors' claims has not been included. The author reviews the opportunity to implement the function of additional protection of rights and legal interests of single mothers upon occurrence of insolvency (bankruptcy) and emergency situation risks at least at the judicial practice level.

Keywords: family relationships, insolvency (bankruptcy), single mothers, family law principles, insurance, social guarantees.

Рыночная экономика стран мира, особенно российско-го, за последние несколько месяцев претерпела серьезные изменения, что было обусловлено пандемией COVID-19¹. В частности, на грани стагнации оказались предпринимательские, товарно-денежные отношения, под риском банкротства — не только предприниматели, но и рядовые

граждане. Падение доходности граждан, снижение спроса на товары, работы и услуги, потеря рабочих мест и т.д. привели к различного рода проблемам, одной из которых стало кредитное бремя, поскольку, согласно официальной статистике Банка России, объем потребительских кредитов с 2017 по 2020 г. серьезно вырос². Такие кризисные явления в экономике, как пандемия, социальные и политические трансформации в обществе, приводят к росту различного рода рисков, в частности экономического, предпринима-

¹ Хотим особо отметить, что 30 января 2020 г. ВОЗ признала вспышку нового коронавируса «чрезвычайной ситуацией» в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 февраля 2020 г. заболевание получило название нового коронавирусного заболевания (COVID-2019), 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила, что вспышка COVID-2019 приобрела характер пандемии. См.: Письмо Минтруда России от 21 апреля 2020 г. № 26-4/10/В-3076 «О направлении методических рекомендаций» // СПС «КонсультантПлюс».

² URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения: 14.11.2020).

тельского³, а также к рискам в семейных правоотношениях. И если предпринимательский и тот же экономический риск подвержены регулированию, контролю и устранению, то риск в семейных отношениях до сих пор остается одним из острых и неразрешенных.

Как известно, отношения, регулируемые семейным правом, возникают на основе брака, родства, усыновления, опеки и попечительства, принятия детей на воспитание. Эти отношения носят личный характер и построены на складывающихся между членами семьи имущественных и неимущественных отношениях⁴, однако нужно признать, что в условиях и реалиях современного мира имущественные отношения в них преобладают.

Входящие в предмет регулирования семейного права имущественные отношения получили свое закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁵ и дальнейшее развитие в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ)⁶.

В частности, одним из принципов семейных отношений в п. 3 ст. 1 СК РФ является обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

В статье 2 Конституции РФ⁷ закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. А в статье 7 установлено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7 Конституции РФ). Хотим также отметить ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка⁸, в которой закреплен принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Сложившаяся в стране ситуация привела к тому, что в связи с потерей работы, бракоразводными процессами и, самое главное, в связи с отсутствием дополнительных источников доходов большинство граждан оказались перед проблемой невозможности исполнения долговых (кредитных) обязательств, среди которых особенно отметим одиноких матерей и отцов. Статус одиноких матерей в России определен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» (далее – Постановление 1)⁹, согласно которому к одиноким матерям может быть

отнесена женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновленных) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца, в частности в случаях, когда отец ребенка умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях.

Большинство таких матерей (в том числе и отцов)¹⁰, несущих бремя ответственности за своих несовершеннолетних детей, имеют потребительские кредиты, а в связи с проблемами безработицы в стране, не могут устроиться на работу. На практике большинство из них находятся в так называемом статусе «самозанятых»¹¹, таким образом имея «профессиональный доход». Но, как известно, даже пандемия их не пощадила от ежемесячной оплаты потребительских кредитов (в том числе ипотеки), несмотря на временное отсутствие источника дохода. Многие также сталкивались с риском лишения родительских прав. И хотя правовых оснований для ограничения или лишения родительских прав, а также отобрания ребенка, вследствие ухудшения материального положения семьи, в СК РФ не предусмотрено, такая угроза со стороны сотрудников кредитных организаций, коллекторских организаций имеет место. Об этом указано также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44¹², однако, поскольку органам опеки и попечительства такое исключительное полномочие предоставлено во внесудебном порядке и если тяжелое материальное положение одинокой матери или отца будет квалифицировано как угроза жизни ребенка, такое может иметь место, что, на наш взгляд, противоречит основополагающим принципам семейного права.

Что мы имеем? Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями.

³ Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности : практическое пособие. М. : Юстицинформ, 2020. 172 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 318 с.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин,

лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Следует отметить, что статус одиноких отцов в РФ закреплен в п. 7 Постановления Правительства Москвы от 28 декабря 2004 г. № 911-ПП «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка и Положения о порядке учета, исчисления величины среднедушевого дохода семьи в целях получения ежемесячного пособия на ребенка и подтверждения доходов членов семьи» (вместе с «Административным регламентом предоставления государственной услуги "Назначение ежемесячного пособия на ребенка"»), согласно которому одиноким отцом признается мужчина, не состоящий в браке и усыновивший ребенка.

¹¹ Федеральный закон от 27 ноября 2016 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3¹³ разъяснено, что именно на должнике, а не на кредиторе лежит первичная обязанность совершения необходимых действий и принятия разумных мер по исполнению обязательства. Предполагается, что **в случае возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля должника и препятствующих исполнению им обязательства, он освобождается от ответственности**, если у него отсутствует возможность принять разумные меры для устранения таких обстоятельств. При этом должник должен незамедлительно сообщить кредитору о наличии таких обстоятельств после того, как ему стало о них известно.

Однако следует оговориться, что признанная «чрезвычайной ситуацией» международного значения пандемия COVID-19 не является обстоятельством для освобождения от возврата кредита (следует также отметить, что банки также не учитывают риск «чрезвычайной ситуации» при страховании CDS (страховании кредитных портфелей)¹⁴. И даже когда должник незамедлительно сообщает кредитору о наличии таких обстоятельств и просит не об освобождении от ответственности, а лишь отсрочить исполнение обязательства, т.е. временных кредитных каникулах, его требования не удовлетворяются, поскольку ни государство, ни Банк России этот риск не учитывают при утверждении социальных мер защиты и бремя ответственности при «чрезвычайной ситуации» полностью возлагают на должника, независимо от статуса. Должнику (в данном случае одинокой матери или отцу) самому приходится искать способы исполнения обязательств. Но какие варианты у него есть? Единственным вариантом видится признание себя несостоятельным (банкротом), поскольку такие варианты, как поиск работы и продажа имущества, являются нерабочими инструментами, — это обусловлено отсутствием либо сокращением рабочих мест и падением покупательских способностей населения.

Более того, в Федеральном законе от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ¹⁵ также не предусмотрено дополнительных гарантий по социальной поддержке одиноких матерей и отцов в периоды, признанные «чрезвычайной ситуацией».

С учетом того что проблема отсутствия социальных гарантий для одиноких матерей и отцов именно в периоды объявления «чрезвычайной ситуации» не только в стране, но и в мире напрямую затрагивает интересы несовершеннолетних детей (до 18 лет), находящихся под опекой и попечением своих единственных родителей, соответствующее регулирование должно быть на уровне не только гражданского, но и семейного законодательства.

Однако не все так однозначно, как кажется. Что касается банкротства граждан, то с 1 сентября 2020 г. вступил в силу закон о внесудебном банкротстве граждан¹⁶, по ко-

торому гражданин бесплатно может подать заявление в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) о признании себя банкротом, если размер его денежных обязательств составляет не менее 50 тыс. и не более 500 тыс. руб. Только в этом случае может иметь место: введение моратория на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей (за некоторым исключением); прекращение начисления неустоек (штрафов, пеней) и других финансовых санкций, а также процентов по большинству обязательств; приостановление имущественных взысканий по исполнительным документам (кроме, например, алиментов).

А если требования к гражданину составляют не менее чем 500 тыс. руб. и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, гражданин вправе обратиться в арбитражный суд (а в установленных законом случаях он обязан это сделать).

Хотим также отметить, что Правительство РФ в 2020 г. утвердило Правила предоставления из федерального бюджета субсидий¹⁷ физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 г. специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Субсидии предоставляются в случае выполнения условия включения получателя субсидии в реестр, в который могли входить не все одинокие матери и отцы.

Таким образом, введенные законодателем меры в связи с COVID-19 не стали панацеей для, на наш взгляд, «слабых субъектов» семейных отношений, таких как одинокие матери и отцы, которые лишены реальных гарантий со стороны государства для полноценного осуществления своих родительских обязанностей.

Вопрос о применении Постановления № 1 в рамках не только трудового законодательства, но и семейного законодательства в целом продолжает оставаться актуальным в правоприменительной практике. Суды, органы опеки и попечительства, к сожалению, не всегда учитывают особый семейно-правовой статус должника (одинокой матери или отца) как заведомо «слабой стороны» в кредитно-денежных отношениях, особенно в период «чрезвычайной ситуации».

Считаем, что при рассмотрении гражданских дел о банкротстве одиноких матерей и отцов возникает необходимость использовать не столько нормы гражданского, сколько семейного законодательства. Проанализированные некоторые актуальные вопросы, связанные с риском возможного лишения родительских прав на детей, и так имеющих единственного родителя, являются неисчерпывающими. Есть множество спорных вопросов, связанных с применением норм ГК и СК РФ при регулировании имущественных отношений родителей в статусе одиноких. Учитывая это,

законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Novasaryan, A.V. Credit Data Analyst at DOT818, LLC. URL: <https://www.dot818.com> (дата обращения: 14.11.2020).

¹⁵ Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 29 мая 2020 г. № 783 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 году специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс».

в целях обеспечения реализации конституционных гарантий поддержки материнства, отцовства и детства есть необходимость в создании реальных механизмов их применения.

Учитывая это, в целях обеспечения правильного и единообразного разрешения споров с участием одиноких

матерей или отцов имеется необходимость в появлении нового постановления Пленума Верховного Суда РФ, с тем чтобы обеспечить максимально права родителей и детей с учетом рисков, связанных с возможной утратой родительских прав по не зависящим от них причинам.

Литература

1. Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности : практическое пособие / В.Ю. Абрамов. Москва : Юстицинформ, 2020. 172 с.
2. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. 318 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-34-38

Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства

Холоденко Юрий Витальевич,
доцент кафедры гражданского права
Юридического института Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
holodenko@de-kons.ru

Бердников Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права
Юридического института Алтайского государственного университета
berdnikov25@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются особенности изменения правового режима имущества супругов в рамках дела о несостоятельности. Совершение должником сделки, предполагающей перераспределение имущества в пользу супруга, который не имеет финансовых притязаний, приводит к значительному уменьшению конкурсной массы, за счет реализации которой подлежат удовлетворению требования кредиторов. Авторами проанализированы основные механизмы вывода активов должника, состоящего в брачных правоотношениях, и предложены правовые инструменты обеспечения защиты прав и интересов конкурсных кредиторов.

Ключевые слова: ослабление сделки должника, брачный договор, преюдициальная сила судебного акта, причинение вреда имущественным правам кредиторов, конкурсная масса, изменение режима имущества супругов.

Amendment of the Spousal Property Regime in Bankruptcy Procedures

Kholodenko Yuriy V.
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Law Institute of the Altai State University
PhD (Law)

Berdnikov Sergey S.
Postgraduate Student of the Department of Civil Law
of the Law Institute of the Altai State University

The article is devoted to the analysis of different aspects, affected changing of legal regime property by the spouses in the bankruptcy proceedings. Making a deal, involving redistribution of assets in favour of sponsible marital partner leads to a significant decrease in the bankruptcy estate. The authors examine the main ways for withdrawal of assets a debtor, who maintains a conjugal relationship, and provide legal instruments to ensure the protection of creditors.

Keywords: challenge of a debtor's transactions, prenuptial agreement, prejudicial effect, res judicata, damage to property rights of creditors, bankruptcy assets, change of legal regime property by the spouses.

В условиях формирования обширного ипотечного и потребительского кредитования в связи с усложнением экономической ситуации правовая система требовала

создания нормативно-правовой базы, которая в равной степени способна обеспечить интересы как кредиторов, так и физических лиц (должников), возложивших на себя

финансовые обязательства. Результат законотворческой деятельности представлял собой масштабную реформу Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), который дополнен положениями, регулирующими институт несостоятельности граждан, вступивший в законную силу с 1 октября 2015 г.

Официальная статистика, публикуемая Единым федеральным реестром сведений о банкротствах, свидетельствует о ежегодной нарастающей динамике количества поступающих заявлений о признании должника-гражданина несостоятельным. При этом в рамках дел о несостоятельности как юридических лиц, так и граждан процент удовлетворенных требований кредиторов (не обеспеченных залогом) в среднем не превышает и 5% по причине недостаточности конкурсной массы.

Принимая во внимание неудовлетворительные статистические данные, представляется актуальным исследование механизмов и способов вывода активов, принадлежащих должнику, с целью их возврата в состав конкурсной массы и последующего распределения пропорционально между всеми кредиторами.

Правовые проблемы формирования конкурсной массы в рамках дел о несостоятельности юридических лиц длительное время являлись предметом научных трудов, способствующих выработке подходов судебной практики. В рамках же дел о банкротстве физических лиц специфика субъекта привнесла особенности в доктринальные проблемы и правоприменительные подходы, прежде всего в отношении определения судьбы «семейного имущества», на освещение которых направлено настоящее исследование.

Так, одним из препятствий для формирования конкурсной массы является совершение должником и его супругом (супругой) сделки, предметом которой является изменение правового режима имущества должника, изменение соотношения долей в правах на него¹.

Согласно действующему законодательству, законным режимом имущества супругов является общая совместная собственность (ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации; ГК РФ). Однако наметившаяся тенденция построения семейных правоотношений на основе юридического равенства сторон, автономии воли их участников способствовала проникновению договорных элементов, предоставивших возможность супругам определить свои имущественные права и обязанности².

К последним прежде всего следует отнести совершение между супругами различных сделок: брачного договора, соглашения об уплате алиментов, соглашения о разделе общего имущества, соглашения об определении долей в общем имуществе супругов³.

Анализируя правовую природу совершаемых между супругами действий, большинство исследователей в научной литературе признают наличие признаков гражданско-

правовой сделки, к которой подлежат применению нормы гражданского законодательства⁴.

Распространение элементов частного права на семейные правоотношения оказывает позитивное влияние на развитие институтов гражданского общества. Однако еще дореволюционными юристами отмечено, что при возникновении финансового кризиса (или его предпосылки) у должника их использование направлено лишь на исключение возможности обращения взыскания на имущество, подлежащее включению в конкурсную массу⁵. В таком случае для физического лица наиболее приемлемым способом злоупотребления всегда будет вовлечение в подобное поведение лиц, с которыми он связан родством или свойством (формально-юридически или фактически).

Вместе с тем правоприменительной практикой выработаны механизмы защиты интересов независимых кредиторов при заключении супругами внесудебных соглашений⁶. Так, лица, чьи права нарушены, в рамках дела о несостоятельности вправе оспорить заключенное между супругами внесудебное соглашение⁷. В качестве оснований для оспаривания сделок активно применяются как специальные положения законодательства о банкротстве (о подозрительных сделках, преференциальных – ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве), так и положения, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 10, 168, 170 ГК РФ)⁸.

Как правило, основными критериями, позволяющими судам квалифицировать соглашение супругов в качестве недействительной сделки, являются: неравноценный и несправедливый раздел имущества, возникновение у должника признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества на момент его заключения, наличие в действиях должника признаков злоупотребления правом и др.

Так, перераспределение имущества между супругами без учета баланса взаимных прав и интересов подлежит правовой оценке как намерение вывода ликвидных активов из общей собственности, которые подлежали включению в конкурсную массу и реализации в целях последующего удовлетворения требований кредиторов в порядке ст. 213.26 Закона о банкротстве, что причиняет вред имущественным правам конкурсных кредиторов⁹.

Также наличие на момент заключения оспариваемой сделки не исполненных перед третьими лицами денежных обязательств на значительную сумму, фактически означающих возникновение признаков финансового кризиса, судебной практикой признается достаточным для вывода о намерении сторон недопущения обращения взыскания на имущество¹⁰.

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2011. С. 402.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. С. 328.

⁶ Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 124.

⁷ Морхат П.М. Режим общей собственности супругов: коллизии банкротного и семейного законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 70.

⁸ Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н., Петров Е., Архипов Д., Федорова О., Алейникова В., Дергунова В. Реформа режима супружеской собственности // Закон. 2019. № 12. С. 20–32.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 сентября 2019 г. № Ф04-4405/2018 по делу № А45-24414/2016.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2020 г. № Ф05-868/2020 по делу № А40-46824/2019.

¹ Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. С. 15.

² Ravdin, L. Premarital Agreements: Drafting and Negotiating, American Bar Association. Chicago, 2012. С. 213.

³ Семенова Е.А. Конкурсное оспаривание сделок должника-гражданина, совершаемых в соответствии с семейным законодательством // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 15.

Таким образом, заключенное между супругами внесудебное соглашение может быть оспорено лицами, чьи права и законные интересы нарушены его условиями, в рамках дела о банкротстве.

Кроме того, исходя из правовой природы брачных договорных конструкций, следует, что соглашения между супругами являются двусторонними сделками, которые фактически связывают лишь супругов и не влекут правовых последствий для не участвовавших в них кредиторов (с учетом положений ст. 46 Семейного кодекса РФ).

В таком случае заключение между супругами внесудебного соглашения после возникновения обязательств перед кредиторами не влечет правовых последствий, что не исключает возможности включения финансовым управляющим имущества в состав конкурсной массы должника и вовсе без необходимости его оспаривания (в отсутствие переоформления прав на имущество в публичном реестре).

В отсутствие судебного акта о выделе доли гражданина-должника действия финансового управляющего по реализации всего имущества должника с последующим возмещением супругу (бывшему супругу) должника стоимости причитающейся ему доли следует признавать правомерными.

Таким образом, учитывая прокредиторские тенденции судебной практики, нивелирование правового значения заключенных между супругами внесудебных соглашений не составляет больших сложностей для восстановления положения, существовавшего до совершения недействительной сделки между супругами.

Однако в результате анализа правоприменительной практики по вопросу совершения между супругами различных сделок, направленных на недопущение обращения взыскания на имущество путем изменения его принадлежности, следует отметить, что одновременно с совершенствованием механизмов воспрепятствования вывода ликвидных активов происходит и процесс усложнения форм злоупотребления правами.

Одним из таких проявлений являются действия сторон, которые не ограничиваются лишь достижением соглашения относительно принадлежащих им прав на имущество между собой. При наличии тенденции судебной практики, не колеблющейся при признании недействительными соглашений супругов, ущемляющих права независимых кредиторов, недобросовестные участники оборота предпринимают действия по приданию совершенной между ними сделке преюдициальной силы вступившего в законную силу судебного акта.

Так, супруги обращаются в суд общей юрисдикции, имитируя наличие между ними спора, исключительно в целях получения судебного решения о разделе совместно нажитого имущества с целью вывода активов при отступлении от начала равенства долей.

Судебное решение в силу обязательности его исполнения в рамках дела о банкротстве препятствует финансовому управляющему наиболее полно осуществить формирование конкурсной массы несостоятельного гражданина.

Таким образом, стороны посредством внешне законных юридических механизмов (процессуальных уловок) манипулируют судом для реализации своих сомнительных намерений.

В таком случае лица, участвующие в деле о банкротстве, вынуждены в установленном процессуальном порядке обжаловать судебный акт, на основании которого произведен раздел имущества супругов. Гражданское процессуальное законодательство предполагает необходимость обращения с жалобой на судебный акт в суд апелляционной инстанции.

Положительный для конкурсных кредиторов, финансового управляющего результат достигается при решении определенных процессуальных аспектов. Во-первых, необходимостью представления правового обоснования ходатайства о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы, так как в преобладающем количестве случаев решение суда общей юрисдикции выносится задолго до возбуждения дела о банкротстве. Предполагается, что заявитель должен представить доказательства того, что принятым судебным актом затронуты и нарушены его права и законные интересы с учетом отсутствия подробной осведомленности судом общей юрисдикции о законодательстве о несостоятельности, а также обоснование невозможности своевременного совершения процессуальных действий по его обжалованию.

Второе препятствие заключается в специфике самих дел о банкротстве, скрывающих в себе потребность обеспечения баланса различных интересов участников процедуры, которая не является очевидной для судов общей юрисдикции в силу разделенной законодателем компетенции. Правоприменительными органами, не специализирующимися на разрешении споров о банкротстве, могут не учитываться повышенные стандарты доказывания тех или иных обстоятельств (либо их опровержения), правовые позиции, изложенные в актах вышестоящих судов.

Следует отметить, что в правоприменительной практике прослеживается тенденция уточнения принципа общеобязательности, имеющего значение в рамках дела о банкротстве. Так, при рассмотрении обоснованности требований кредиторов само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего сумму долга, не освобождает арбитражный суд от обязанности определить очередность удовлетворения данного требования (Определение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2019 г. № 307-ЭС19-10177). В таком случае правовое обоснование предъявленного требования, мотивированное исключительно вступлением в законную силу судебного акта о взыскании задолженности как безусловное основание для включения требования кредитора в реестр, ошибочно.

Представляется, что распространение аналогичного подхода и при рассмотрении вопросов принадлежности имущества должника в рамках дела о банкротстве, отвечает интересам независимых кредиторов, однако ограничивается доктриной непровержимости окончательного судебного решения и отступления от принципа правовой определенности только при наличии обстоятельств существенного и непреодолимого характера, таких как необходимость устранения фундаментальных ошибок.

Вместе с тем, по нашему мнению, уточнение принципа общеобязательности судебного акта все же требуется в случаях получения защиты раздела имущества, не отвечающего интересам конкурсных кредиторов, путем утверждения в судебном порядке мирового соглашения, заключенного между супругами.

Полученный по итогам инициирования спора между заинтересованными лицами судебный акт об утверждении

мирового соглашения также препятствует наиболее полному формированию конкурсной массы, так как определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением судом мирового соглашения влечет материально-правовой эффект и обладает такими свойствами судебного решения, как общеобязательность, исключительность (ч. 3 ст. 151 Арбитражного процессуального кодекса РФ; АПК РФ), неопровержимость (ч. 11 ст. 141 АПК РФ) и исполнимость (ч. 2 ст. 142 АПК РФ)¹¹.

В настоящее время в судебной практике преваляющий подход в целях преодоления преюдициальной силы судебного акта, которым утверждено мировое соглашение супругов, заключается в использовании ранее описанного механизма оспаривания судебного акта в порядке, предусмотренном действующим процессуальным законодательством.

Однако, по нашему мнению, подобная правовая позиция не основывается на телеологическом толковании норм действующего законодательства, регулирующего вопросы несостоятельности.

Действительно, абз. 1 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» разъяснен порядок действий лиц, участвующих в деле, в случае судебного раздела имущества, определения долей в праве на имущество.

Со стороны формального подхода, не предполагающего анализ правовой природы судебного акта, которым утверждено мировое соглашение, следует, что единственным способом преодоления его преюдициальной силы является также его обжалование в общем, установленном процессуальным законодательством порядке. К сожалению, указанный правовой подход является доминирующим как в правоприменительной практике, так и в научной среде¹².

По нашему мнению, изложенная выше правовая позиция является ошибочной на основании следующего. Принятие судебного акта, осуществляющего раздел имущества между супругами, предполагает тщательное исследование многих обстоятельств, являющихся предметом спора, а также необходимость поиска баланса взаимных интересов. В свою очередь, утверждение мирового соглашения, по сути, зависит лишь от отсутствия условий, нарушающих чьи-либо права и законные интересы.

Фактически по своей правовой природе соглашение супругов относительно принадлежащих им прав на имущество, утвержденное судом в порядке мирового соглашения, не отличается от соглашения, достигнутого вне рамок судебного процесса.

Таким образом, суд, утверждая мировое соглашение между супругами, фактически не осуществляет раздел их имущества. Поэтому необходимость оспаривания судебного акта об утверждении мирового соглашения в установленном процессуальным законодательством порядке является излишней, требующей дополнительных временных затрат и судебных расходов.

¹¹ Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 165.

¹² Головинкин А.В., Заблочкин С.С. К проблеме оспаривания подозрительных сделок должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. С. 34.

К аналогичным выводам пришла и высшая судебная инстанция, рассматривая обоснованность включения в состав конкурсной массы должника имущества, права на которые перешли его супруге на основании мирового соглашения, утвержденного судом общей юрисдикции. В своем определении Верховный Суд РФ от 24 сентября 2018 г. № 304-ЭС18-4364 указал на неприменимость положений об общеобязательности судебного акта при рассмотрении обособленного спора в деле о банкротстве.

Такие соглашения связывают только супругов, при этом ухищрение имущественного положения супруга-должника в результате исполнения такого договора не влечет правовых последствий для не участвовавших в нем кредиторов должника.

Лица, желающие воспользоваться примирительными механизмами в государственном суде, должны вести себя по отношению к суду открыто и честно, в том числе раскрывая запрашиваемую судом информацию, а отказ или уклонение от подобной модели поведения не может не порождать сомнений в добросовестности и законности намерений участников процесса.

В этой связи, по нашему мнению, доводы об общеобязательности (преюдициальной силе) судебного акта суда общей юрисдикции об утверждении мирового соглашения при рассмотрении различных обособленных споров в рамках дела о банкротстве необоснованны.

При оспаривании процессуальных соглашений, к числу которых также относится и мировое соглашение, должны применяться не процессуальные правила, а нормы материального права, регулирующие вопросы признания сделок недействительными¹³.

Кроме того, распорядительные действия сторон (отказ от иска, признание иска, мировое соглашение) должны быть подвергнуты усиленному контролю со стороны суда в виде проверки соответствия как процессуальному, так и материальному закону, последний из которых предполагает установление судом *ex officio*, является ли сделка, положенная в основу названных распорядительных действий, ничтожной или оспоримой¹⁴.

Таким образом, изменение правового режима имущества супругов в настоящий момент является одним из основных способов злоупотребления правами в рамках процедур банкротства должника-гражданина. Совершенные супругами сделки в преваляющем большинстве случаев фактически направлены на исключение возможности обращения взыскания на имущество по долгам несостоятельного супруга. Удовлетворение предъявленных требований кредиторов всецело зависит от полноты сформированной конкурсной массы и от результатов оспаривания соглашений супругов, заключенных в отношении имущества, подлежащего включению в состав конкурсной массы.

Произведенный в судебном порядке раздел имущества, предполагающий исследование состава имущества, наличие и отсутствие прав на него, определение баланса взаимных интересов, обладает эффектом общеобязательности. Преодоление преюдициальной силы судебного акта в таком случае возможно лишь путем его обжалования в

¹³ Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015. С. 42.

¹⁴ Ильин А.В. Контроль суда за распорядительными действиями сторон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 142–161.

общем порядке, предусмотренном действующим процессуальным законодательством.

Однако, по нашему мнению, учитывая тенденции увеличивающихся случаев злоупотребления супругами своими правами в виде формально законных механизмов защиты достигнутых между ними соглашений, – придание равнозначной

преюдициальной силы и судебному акту, которым лишь утверждается мировое соглашение, является необоснованным. Подобный правовой подход фактически направлен против интересов конкурсных кредиторов, которые вынуждены вне рамок дела о банкротстве добиваться признания соглашения недействительным.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов. Москва: Проспект, 2020. 224 с.
2. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Москва: Статут, 2011. 850 с.
3. Головизнин А.В. К проблеме оспаривания подозрительных сделок должника / А.В. Головизнин, С.С. Заблоцкий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. С. 31–36.
4. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. Москва: Статут, 2015. 368 с.
5. Морхат П.М. Режим общей собственности супругов: коллизии банкротного и семейного законодательства / П.М. Морхат // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 60–73.
6. Рожкова М.А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / М.А. Рожкова, Н.Г. Елисеев, О.Ю. Скворцов; под общей редакцией М.А. Рожковой. Москва: Статут, 2008. 525 с.
7. Семенова Е.А. Конкурсное оспаривание сделок должника-гражданина, совершаемых в соответствии с семейным законодательством / Е.А. Семенова // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 14–18.
8. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. Москва: Статут, 2003. 550 с.
9. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. Москва: Статут, 2018. 239 с.
10. Ravdin, L. Premarital Agreements: Drafting and Negotiating / L. Ravdin. Chicago: American Bar Association, 2012. 538 p.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-1-38-40

Некоторые аспекты осуществления преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на жилое помещение

Астапова Татьяна Юрьевна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ (РПА Минюста России)),
кандидат юридических наук, доцент
Astapova.t@mail.ru

В статье раскрывается механизм реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на жилое помещение при продаже с публичных торгов. Обосновывается, что оно состоит в праве на получение первоочередной возможности выкупа доли у должника по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, до момента ее продажи на торгах.

Ключевые слова: преимущественное право, доля в праве общей собственности, жилое помещение, публичные торги.

Some Aspects of Exercising of the Preemptive Right to Purchase a Share in the Residential Premise Owned under the Right of Ownership in Common

Astapova Tatyana Yu.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia))
PhD (Law), Associate Professor

The article reveals the mechanism for implementing the pre-emptive right to purchase a share in the right of common ownership of residential premises when selling at public auction. It is proved that it consists in the right to receive a priority opportunity to buy out a share from the debtor at a price commensurate with the market value of this share until, it is sold at auction.

Keywords: pre-emptive right, share in the right of common ownership, residential premises.

В гражданском обороте существуют различные виды субъективных прав. Среди них следует выделить особую

группу. Речь идет о преимущественных правах. К вышесказанным случаям можно отнести преимущественное

право участника хозяйственного общества на покупку доли, преимущественное право акционера на покупку дополнительно выпускаемых обществом акций, преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок, преимущественное право наследника на неделимую вещь при разделе наследства, а также право преимущественной покупки доли в праве общей собственности. Именно последнее право в эпоху средневековой Руси в обычае помещалось в купчей в качестве условия о том, что покупатель, если захочет продать имение, должен предложить его сначала тому, у кого купил¹. В свою очередь, его законодательная регламентация, как права покупки отчуждаемой доли в имуществе одним из собственников, была осуществлена лишь в 1649 г. Соборным уложением. В частности, в своде законов Русского царства было закреплено, что проданная родовая вотчина могла быть выкуплена членами рода, которые имели на это преимущественные права перед другими покупателями².

Одним из первых отечественных цивилистов, обративших свое внимание на указанную группу прав, является В.П. Грибанов. Ученый указал, что под преимущественными правами следует понимать такие случаи, когда при всех прочих равных условиях законом представлено преимущество определенной группе лиц, обладающей какими-то особыми признаками³. В свою очередь Г.Ф. Шершеневич уточнил, что каждый может продать, подарить, завещать свою долю, но при этом соучастников закон наделяет правом воспрепятствовать переходу доли к постороннему лицу путем оплаты ее стоимости⁴.

Таким образом, развитие законодательства привело к расширению сферы применения конструкции преимущественного права от новых различных форм приобретения имущества к иным формам распоряжения.

Несмотря на постоянное реформирование института преимущественного права, обращает на себя внимание тот факт, что цивилистическая доктрина до настоящего времени не пришла к единому пониманию сущности современной юридической конструкции, а также механизма ее реализации и защиты. Особенно остро стоит вопрос реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на жилое помещение как объект, сопряженный с реализацией неотъемлемых конституционных прав и законных интересов граждан. Это обусловлено тем, что приобретение доли в праве общей собственности на жилое помещение предоставляет право проживать в нем. Воспользовавшись таковым, новый собственник может создать мучительные условия для жизни других. Порой последнее происходит ввиду не только расхождения образа жизни, но и умышленного выживания других собственников с целью выкупа их доли по более низкой цене. В целях защиты прав указанной категории граждан путем воспрепятство-

вания перехода доли к постороннему лицу законодатель в ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации (первая часть) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (далее по тексту – ГК РФ) установил преимущественное право покупки продаваемой доли постороннему лицу остальных участников⁵. В свою очередь, указанная норма предусматривает исключение – продаже имущества с публичных торгов. Именно такой подход был заложен еще в проекте Русского гражданского уложения. Его составители отмечали несовместимость преимущественного права покупки с публичными торгами, неуместность привилегий в пользу каких-либо лиц при таком способе продажи и необходимость наделения равными правами всех торгующих⁶. Не вызывает сомнений правильность вышеуказанного подхода и в настоящее время. Например, К.И. Скловский также отмечает разумность неприменения этого права на публичных торгах ввиду их состязательного характера. В противном случае, продолжает рассуждать ученый, такие торги утратят свое назначение⁷.

Таким образом, ключевым в ст. 250 ГК РФ является положение о том, что при продаже доли в праве общей собственности, в том числе жилого помещения, постороннему лицу с публичных торгов остальные участники долевой собственности не имеют преимущественного права покупки. На этом основании в юридической литературе нередко высказывается точка зрения, что такое правило существенным образом нарушает субъективное право граждан. Усугубляют ситуацию взятые с отрывом от контекста выдержки из решений суда, приведенные в качестве подтверждения такой точки зрения. Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 30 октября 2015 г. по делу № 33-39183/2015 можно найти следующее разъяснение: Тверской районный суд г. Москвы правильно пришел к выводу о законности действий судебного пристава-исполнителя, поскольку при продаже с публичных торгов доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности не наделяются правом преимущественной покупки⁸.

Следует отметить, что вышеуказанная позиция основана на определении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 569-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зверевой Елены Никандровны на нарушение ее конституционных прав положениями частей 1 и 6 статьи 69, части третьей статьи 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве», пункта 1 статьи 250 и статьи 255 Гражданского кодекса Российской Федерации». В нем действительно установлено, что такой группе участников долевой собственности предоставляются равные возможности с другими участниками торгов при приобретении имущества без наделения какого-либо

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1. СПб. : Синод. тип., 1873. С. 404.

² Российское законодательство X–XX веков: Акты Земских соборов. Т. 3 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. С. 181.

³ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 103.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М. : Спарк, 1995. С. 216.

⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Гражданское уложение: Вотчинное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Кн. 3 / сост. : А.Л. Саатчиан ; под ред. : И.М. Тютрюмов. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 304.

⁷ Скловский К., Смирнова М. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. № 11. С. 106.

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

преимущества. При этом последним ничто не препятствуют участвовать в них на общих основаниях⁹.

Между тем следует обратить внимание, что исходя из положений абз. 2 п. 1 ст. 250 ГК РФ публичные торги для продажи доли в праве общей собственности, в том числе жилого помещения, должны проводиться по определенному алгоритму действий, установленному ст. 255 ГК РФ. В частности, первым шагом кредитора участника долевой собственности является реализация права на предъявление требования о выделе в натуре доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания при условии получения на это согласия остальных участников долевой или совместной собственности. Если такое согласие не получено, то вторым шагом кредитора является предъявление требования о продаже должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. То есть кредитор изначально обязан предложить выкупить долю должника в общем имуществе другим сосособственникам. При этом он должен оценить имущество в целях соблюдения принципа соразмерности объему требований. И только в случае отказа последних от приобретения доли должника третьим шагом кредитора будет предъявление требования по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

Соответственно, системное толкование ст. 250, 255 ГК РФ позволяет утверждать о существовании преимущественного права покупки при продаже доли, в том числе жилого помещения, в праве общей собственности постороннему лицу на торгах, но реализуемом до проведения последних. При этом отражение вышеуказанного вывода можно найти в правоприменительной деятельности. В частности, Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 декабря 2014 г. № 17АП-14975/2014-АК по делу № А60-32819/2014 жалоба ОАО «Русские самоцветы» была оставлена без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции указал, что обращение взыскания на 1/2 долю в праве общей долевой собственности на жилой дом, площадью 243,7 кв. м, возможно при наличии совокупности обстоятельств, а именно существовании у должника неисполненного денежного обязательства перед кредитором и недостаточности имущества для погашения долга; принадлежности должнику на праве общей долевой собственности имущества; отсутствии технической воз-

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Гражданское уложение : проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии). Кн. 3. Вотчинное право / под редакцией И.М. Тютрюмова ; составитель : А.Л. Саатчиан. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 1024 с.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. Москва : Статут, 2000. 411 с.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 частях. Ч. 1. Вотчинные права / К.П. Победоносцев. Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1873. 689 с.
4. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI — начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / ответственный редактор А.Г. Маньков. Москва : Юридическая литература, 1985. 511 с.
5. Скловский К. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве / К. Скловский, М. Смирнова // *Хозяйство и право*. 2003. № 11. С. 88–89.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступительная статья Е.А. Суханова. Москва : Спарк, 1995. 556 с.

можности индивидуализации доли в качестве самостоятельного объекта; и, соответственно, отказе остальных участников общей собственности от приобретения доли на жилой дом¹⁰. Или в Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2018 г. № 8-КГ17-15, а также Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 декабря 2017 г. № Ф07-13912/2017 по делу № А56-34186/2015¹¹ указано, что обращение взыскания на долю должника в общем имуществе и продажа ее с публичных торгов возможны только в случае отказа участников общей собственности от приобретения ее остальными участниками¹². При этом последовательность действий наглядно можно продемонстрировать Апелляционным определением Свердловского областного суда от 20 марта 2015 г. по делу № 33-4225/2015. Оно детально раскрыло механизм реализации права преимущественной покупки на жилое помещение. Как следует из материалов дела, во исполнение требований абз. 2 ст. 255 ГК РФ истцом за 24 дня до обращения в суд с иском было направлено сособственнику должника С.Т. предложение о выкупе принадлежащей ответчику доли. Из почтового уведомления следует, что данное предложение было получено С.Т. лично 23 августа 2014 г. Однако С.Т., привлеченная к участию в данном гражданском деле в качестве третьего лица, в течение предусмотренного п. 2 ст. 250 ГК РФ месячного срока, со дня получения предложения о выкупе, не совершила действий по приобретению доли С.Л. в праве собственности на спорную квартиру; не возражала относительно продажи данного имущества с публичных торгов, а после принятия судом первой инстанции решения об обращении взыскания на долю в общем имуществе — не обжаловала данное судебное постановление. А потому суд первой инстанции пришел к правильному выводу о соблюдении истцом норм действующего законодательства¹³.

Таким образом, при продаже доли в праве общей собственности, в том числе жилого помещения, постороннему лицу остальные участники имеют преимущественное право покупки этой доли, которое состоит в праве на получение первоочередной возможности выкупа доли у должника по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, до момента ее продажи на торгах.

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

¹² СПС «КонсультантПлюс».

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

Жилое помещение по договору социального найма: общая характеристика

Басос Евгения Владимировна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России)),
кандидат юридических наук
kafgpp.203@mail.ru

Статья посвящена исследованию характеристик жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма в порядке очередности в целях улучшения жилищных условий, а также в случае невозможности использования уже имеющегося на основании договора социального найма жилого помещения по назначению. В соответствии с результатами анализа актов жилищного законодательства и материалов судебной практики автором сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: жилое помещение, договор социального найма, улучшение жилищных условий.

Residential Premise Under a Social Rent Agreement: General Characteristics

Basos Evgenia V.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice
(ARSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia))
PhD (Law)

The article is devoted to the study of the characteristics of dwellings provided under a social lease agreement in turn order so that to improve the living conditions and if it is impossible to use the existing residential premises for their intended purpose. In accordance with the results of the analysis of acts of housing legislation and materials of judicial practice, the author formulated proposals for improving legal regulation in this area.

Keywords: dwelling, social lease agreement, housing improvement.

Договор социального найма является основным средством улучшения жилищных условий малоимущих и нуждающихся в жилых помещениях граждан. При этом в контексте данной проблемы наибольшее внимание законодателем уделяется решению социально-экономических вопросов, связанных с недостаточными темпами жилищного строительства, увеличивающимся количеством аварийного жилищного фонда, высокой стоимостью жилья и др., решению которых посвящены национальные проекты¹, федеральные и региональные государственные программы².

¹ Национальный проект «Жилье и городская среда», утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». Документ не был опубликован.

² Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской

Однако следует отметить, что в сфере социального найма жилых помещений достаточно и юридических проблем, разрешение которых требует совершенствования жилищного законодательства.

Согласно ст. 62 Жилищного кодекса РФ³ (далее – ЖК РФ) предметом договора социального найма жилого помещения должно быть жилое помещение. Соответственно, исходя из определения, предусмотренного ст. 15 ЖК РФ, предоставляемое **в порядке очередности** из жилищного фонда социального использования жилье должно отвечать следующим характеристикам:

Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 546; Постановление Правительства г. Москвы от 27 сентября 2011 г. № 454-ПП «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Жилище» // Вестник мэра и Правительства Москвы. 2011. № 57.

³ Российская газета. 2005. 12 января.

1) являться объектом недвижимости, при этом, несмотря на то что по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости⁴, для вовлечения такого объекта в оборот требуется соблюдение формально-юридических процедур в виде постановки его на государственный кадастровый учет и регистрации права государственной или муниципальной собственности;

2) быть изолированным. Из статьи 15 ЖК РФ усматривается, что требование об изолированности – это сущностное требование, предъявляемое к жилому помещению, однако, несмотря на его важность, законодатель, во-первых, не раскрывает его значение, во-вторых, не придерживается его безусловно и одновременно с ним в качестве тождественного использует (применительно к характеристике квартиры) термин «обособленность», понятие которого опять не приводит.

Попытки раскрыть понятие изолированности и отграничить его от обособленности неоднократно предпринимал Минэкономразвития РФ. В письме Минэкономразвития РФ от 24 декабря 2013 г. № ОГ-Д23-6667 «О рассмотрении обращения»⁵ отмечается, что «...под обособленностью понимается наличие стен (перегородок), под изолированностью – возможность исключить доступ в помещение собственников других помещений»; в последующем письме от 24 февраля 2014 г. № Д23и-501 «Относительно признания помещения изолированным или обособленным от других помещений в здании или сооружении»⁶ понятия обособленности и изолированности были конкретизированы: помещение считается обособленным, если оно отграничено от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями, и изолированным, если отграничено от остального объема здания (сооружения) строительными конструкциями, имеет отдельный вход и не используется для доступа в иное помещение.

При этом в соответствии с пояснениями ФГБУ «ФКП Росреестра», содержащимися в письме от 3 июля 2015 г. № 10-2024-КЛ «О рассмотрении обращения»⁷, при определении изолированности помещения необходимо учитывать материал ограждающих несущих конструкций с целью выяснения возможности исключения доступа в него.

Таким образом, очевидно, что отсутствие нормативного определения понятия изолированности вызывает практические проблемы, требующие скорейшего разрешения.

Следует отметить, что применительно к договору социального найма в ч. 2 ст. 62 ЖК РФ указано, что самостоятельным предметом договора социального найма жилого помещения не могут быть неизолрированное жилое помещение, помещения вспомогательного использования, а также общее имущество в многоквартирном доме. Данная формулировка ставит вопрос о принципиальном существовании такой категории, как «неизолированное жилое

помещение», и ее соотношении с понятием жилого помещения, изложенного в ч. 2 ст. 15 ЖК РФ. Представляется, что нет никакой необходимости отдельно упоминать о том, что неизолрированное (проходное) помещение не может предоставляться по договору социального найма (впрочем, как и по любым другим договорам, предусмотренным ЖК РФ), поскольку оно в принципе не может быть объектом жилищных правоотношений;

3) быть пригодным для постоянного проживания, то есть соответствовать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства. По сути, пригодность жилого помещения сводится к оценке его безопасности для здоровья человека во всех ее проявлениях:

- основания и несущие конструкции жилого дома должны быть надежными, не иметь разрушений и повреждений, снижающих их несущую способность и ухудшающих эксплуатационные свойства конструкций или жилого дома в целом;

- жилые помещения, а также помещения общего пользования в многоквартирном доме должны быть обустроены и оборудованы таким образом, чтобы предупредить риск получения травм жильцами при передвижении внутри и около жилого помещения, при входе в жилое помещение и жилой дом и выходе из них, а также при пользовании инженерным оборудованием;

- системы отопления и вентиляции должны обеспечивать допустимые условия микроклимата и воздушной среды помещения;

- продолжительность инсоляции жилых помещений должна быть обеспечена не менее чем в одной комнате квартир с одной – тремя комнатами и не менее чем в двух комнатах квартир с четырьмя и более комнатами и др.

Требования к безопасности жилых домов и помещений предусмотрены Федеральным законом от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»⁸, Федеральным законом от 30 марта 2009 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁹, Положением о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом (далее – Положение о признании помещения жилым помещением), утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47¹⁰, Санитарно-эпидемиологическими требованиями к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях (СанПиН 2.1.2.2645-10), утвержденными постановлением Главного гос. санитарного врача РФ от 10 июня 2010 г.¹¹, и иными актами.

Следует отметить, что в рамках осуществляемой модернизации санитарно-эпидемиологических правил и норм значительное количество действующих в настоящее время актов, закрепляющих гигиенические требования к жилым помещениям, жилым домам и придомовой территории,

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 38 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

⁵ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁷ Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁸ Российская газета. 2009. 31 декабря.

⁹ Российская газета. 1999. 6 апреля.

¹⁰ Российская газета. 2006. 10 февраля.

¹¹ Российская газета. 2010. 21 июля.

с 1 января 2021 г. утратят силу¹² и им на смену придут единые санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания, планировки, застройки и содержания территорий населенных пунктов¹³.

Жилые помещения, признанные в установленном законом порядке непригодными для проживания, в том числе в случае признания многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, не могут быть предоставлены по договорам социального найма.

В нормах ЖК РФ, посвященных предоставлению жилья по договору социального найма в порядке очередности, законодатель ничего не говорит о том, что жилое помещение должно быть благоустроенным, данный признак можно вывести только из системного анализа других норм, в частности регулирующих выселение из жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма, в связи с невозможностью использования жилого помещения по назначению (ст. 86–88 ЖК РФ).

Понятие благоустроенности жилого помещения не имеет точного и универсального содержания, определяется применительно к условиям соответствующего населенного пункта (ст. 89 ЖК РФ), при этом согласно абз. 2 п. 37 постановления Пленума ВС РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»¹⁴ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 14) принимается во внимание прежде всего уровень благоустроенности жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов в этом населенном пункте.

В широком смысле под благоустройством понимается наличие всех необходимых удобств, обслуживающих население какой-либо местности¹⁵. В связи с чем и в научной литературе, и в законодательстве, и в судебной практике закрепилось представление о том, что благоустроенное жилое помещение – это жилое помещение, оборудованное водопроводом, канализацией, центральным отоплением, горячим водоснабжением, газом.

В соответствии с п. 2 Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных ресурсов в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 306¹⁶, степень благоустройства многоквартирного дома или жилого дома – качественная характеристика многоквартирного дома или жилого дома, определяемая наличием и составом внутридомовых инженерных систем, обеспечивающих предоставление потре-

бителям коммунальных услуг тех видов, которые могут быть предоставлены с использованием таких внутридомовых инженерных систем, и внутриквартирного оборудования.

Согласно абз. 3 п. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 2009 г. № 14 общи (вернее, минимальные, поскольку они не могут быть снижены субъектами РФ и муниципальными образованиями) требования к благоустроенности жилого помещения определяются в соответствии с Положением о признании помещения жилым помещением, то есть критериями, которым должно отвечать любое жилое помещение, что, по сути, отождествляет понятия жилого помещения вообще и благоустроенного жилого помещения.

Так, например, п. 12 Положения о признании помещения жилым помещением закрепляет, что любое жилое помещение должно быть обеспечено инженерными системами (электроосвещение, хозяйственно-питьевое и горячее водоснабжение, водоотведение, отопление и вентиляция, а в газифицированных районах также и газоснабжение). В поселениях и на территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд без централизованных инженерных сетей в одно- и двухэтажных зданиях допускается отсутствие водопровода и канализованных уборных. Более того, в п. 20 указанного положения закреплено, что объемно-планировочное решение жилых помещений и их расположение в многоквартирном доме, минимальная площадь комнат и помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в жилых помещениях (кроме прихожей и коридора), должны обеспечивать возможность размещения необходимого набора предметов мебели и функционального оборудования с учетом требований эргономики.

Таким образом, очевидно, что к любому жилому помещению законодатель предъявляет достаточно высокие требования, причем не только по обеспеченности инженерными системами, но и по площади, планировке. Представляется, что благоустроенное жилое помещение должно обладать повышенными, по сравнению с минимальными, потребительскими характеристиками, перечень которых должен быть закреплен нормативно. К ним, в частности, могут быть отнесены наличие лоджии или балкона, проведенный текущий ремонт, наличие сантехники и проч. С точки зрения правоприменения это позволит не только обеспечить надлежащую реализацию прав граждан на достойное и комфортное жилье, но и дифференцировать жилые помещения для возможности осуществления выселения из жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма, с предоставлением *других благоустроенных жилых помещений* по договорам социального найма и с предоставлением *других жилых помещений* по договорам социального найма.

Следует отметить, что в целях повышения качества возводимого жилья по договорам, обеспечивающим комплексное и устойчивое развитие территории (ст. 46.5, 46.6 Градостроительного кодекса РФ)¹⁷, разработаны Условия отнесения жилых помещений к стандартному жилью, утвержденные приказом Минстроя России от 29 апреля

¹² Постановление Правительства РФ от 8 октября 2020 г. № 1631 «Об отмене нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора» // СЗ РФ. 2020. № 42 (часть III). Ст. 6597 (документ вступает в силу 01.01.2021).

¹³ Проект представлен на официальном сайте: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/project/s?type=Grid#departments=35&npr=100452> (дата обращения: 15.11.2020).

¹⁴ Российская газета. 2009. 8 июля.

¹⁵ Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935. С. 151.

¹⁶ Российская газета. 2006. 31 мая.

¹⁷ Российская газета. 2004. 30 декабря.

2020 г. № 237/пр¹⁸, которые предусматривают в том числе требования к внутренней отделке жилого помещения: металлическая входная дверь, межкомнатные двери с фурнитурой, поверхности стен и потолков выровнены и окрашены (либо стены оклеены обоями, а на потолках могут быть подвесные потолочные конструкции или натяжные системы), имеется напольное покрытие, в санузлах есть сантехника, смесители, осветительные приборы, вентиляционные решетки, на кухне – мойка, плита и проч. Представляется, что для жилых помещений, предоставляемых по договорам социального найма, целесообразно разработать похожий перечень характеристик, реально отражающих уровень благоустроенности жилого помещения.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 ЖК РФ по договору социального найма по общему правилу предоставляются только жилые дома, квартиры, части жилых домов и части квартир. Освободившиеся комнаты в коммунальной квартире сначала в порядке очередности, установленной в ст. 59 ЖК РФ, предлагаются лицам, проживающим в этой квартире, и только в том случае, если они не отвечают установленным законом требованиям либо не изъявили соответствующего желания, предоставляются иным лицам, состоящим на учете. Данный подход является совершенно оправданным, поскольку отражает направленность государственной жилищной политики на постепенное снижение количества коммунальных квартир

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Толковый словарь русского языка. В 4 томах. Т. 1. А — Кюрины / под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Советская энциклопедия ; ОГИЗ, 1935. 1562 стб.

как объектов, не позволяющих в полной мере удовлетворить жилищные потребности граждан.

Согласно ч. 5 ст. 57 ЖК РФ по договору социального найма жилое помещение должно предоставляться гражданам по месту их жительства (в границах соответствующего населенного пункта). По сути, жилые помещения предоставляются гражданам в том муниципальном образовании, в котором они стоят на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Стоит отметить, что в субъектах РФ возможности по обеспечению граждан жильем из жилищного фонда социального использования существенно различаются. Так, например, по данным за 2019 г., минимальное количество договоров социального найма (всего 4) заключено в г. Севастополе и в Республике Калмыкии, наибольшее – в г. Санкт-Петербурге (1410), Свердловской области (1237), Республике Саха (Якутия) (1235)¹⁹.

Представляется, что в целях соблюдения принципа равенства и эффективной реализации права на жилище федеральным органам государственной власти следует предусмотреть мероприятия, способствующие выравниванию уровня обеспеченности жилищным фондом социального использования в регионах.

¹⁹ Предварительные данные о количестве семей, получивших жилое помещение по договорам социального найма, по состоянию на конец 2019 года // Офиц. сайт Минстроя России. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/43a/predvaritelnye-dannye-o-kolichestve-semey-poluchivshikh-zhiloe-pomeshchenie-po-dogovoram-sotsialnogo-nayma-po-somtoyaniyu-na-oknets-2019-goda.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Вступают в силу изменения в Жилищный кодекс РФ, касающиеся предоставления субсидий и компенсаций расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг

Уточняется, что субсидии и компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг не предоставляются гражданам при наличии у них подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом непогашенной задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг, которая образовалась за период не более чем 3 последних года. Информацию о наличии у граждан такой задолженности орган исполнительной власти субъекта РФ или уполномоченное им учреждение получает из ГИС ЖКХ.

Также устанавливается, что орган исполнительной власти субъекта РФ или уполномоченное им учреждение самостоятельно запрашивает в порядке, установленном Правительством РФ, сведения, получение которых возможно в рамках межведомственного информационного взаимодействия и которые необходимы для принятия решения о предоставлении субсидий. Требовать от граждан документы, содержащие указанные сведения, не допускается.

Одновременно расширяется состав сведений, размещаемых в ГИС ЖКХ, и уточняются положения Правил предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 14.12.2005 № 761.

См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 442-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 28.07.2020 № 1130; Приказ Минкомсвязи России № 466, Минстроя России № 508/пр от 11.09.2020

К вопросу об ответственности за бесхозяйственное содержание жилого помещения

Внукова Валентина Арсентьевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук
vavnukova@rambler.ru

Шорников Сергей Владимирович,
консультант отдела профилактики правонарушений управления региональной безопасности
Администрации губернатора Белгородской области
avtor@lawinfo.ru

Рассматривается вопрос о правовой природе прекращения права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение, а также о возможности вынесения судом решения о продаже с публичных торгов самовольно перепланированного или самовольно переустроенного помещения в многоквартирном доме. На основе проведенного анализа теоретических положений о юридической ответственности обосновывается ее публичный характер.

Ключевые слова: юридическая ответственность, жилое помещение, право собственности, жилое помещение, орган местного самоуправления, публичные торги.

On the Liability for Mismanagement of a Residential Premise

Vnukova Valentina A.
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
PhD (Law)

Shornikov Sergey V.
Consultant of the Offense Prevention Department
of the Regional Security Directorate of the Governor's Administration
of the Belgorod Region

The issue of the legal nature of the termination of ownership rights to mismanaged residential premises, as well as the possibility of a court decision on the sale of unauthorized redeveloped or unauthorized remodeled premises in an apartment building at public auction is considered. Based on the analysis of theoretical provisions on legal liability, its public nature is justified.

Keywords: legal liability, residential premises, property rights, residential premises, local government, public auction.

В статье 35 Конституции РФ провозглашается право каждого иметь имущество в собственности, то есть владеть, пользоваться и распоряжаться им. С другой стороны, государство обязано охранять общественные интересы, обеспечивать справедливый баланс между интересами разных собственников, если они пересекаются. Для реализации этого баланса в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ указывается, что лишение имущества возможно только по решению суда.

Одной из общественно значимых ситуаций является возможность прекращения права собственности на жилое помещение и его продажа с публичных торгов по решению суда. Такая возможность предусмотрена нормами Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Основанием для применения такой меры ответственности является бесхозяйственное содержание жилья, приводящее к его разрушению, систематическое нарушение прав и интересов соседей (ст. 293 ГК РФ).

Норма, позволяющая прекратить право собственности лица на жилое помещение в случае совершения нарушений, связанных с его содержанием, действует более 25 лет. Положения ст. 293 ГК РФ нечасто становились предметом обсуждения исследователей, а судебная практика по ее применению не очень обширна. И все же следует отметить проявившийся в последние годы «интерес заявителей к защите соседских прав посредством предъявления требования о прекращении права собственности асоциального соседа»¹.

Тем не менее целостного понимания анализируемой нормы до сих пор не сложилось. Часто к ней обращаются лишь как к иллюстрации более глобальных вопросов гражданского и жилищного права, а не для выявления правовой природы прекращения прав собственника на бесхозяйственно содержимое жилое помещение². Некоторые исследователи анализируют проблемы прекращения права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение, когда в качестве ответчика выступают «социально незащищенные (уязвимые) группы населения — инвалиды и сироты»³. Другие, на основании анализа судебной практики, обращают внимание, что суды отказывают в удовлетворении исковых требований о прекращении права собственности по ст. 293 ГК РФ, если нарушители «имеют одно жилое помещение в собственности, которое одновременно является единственным для проживания»⁴.

Напомним, что согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»⁵ «нарушение установленных законом пределов осуществления права собственности на жилое помещение» влечет применение к собственнику различного рода мер ответственности, например административной или гражданско-правовой. В качестве примера гражданско-правовой ответственности указано лишение права собственности на жилое помещение (ст. 293 ГК РФ). Это положение логически следует из места данной статьи, размещенной в гл. 18 Гражданского кодекса РФ, регулирующей вопросы права собственности и других вещных прав на жилые помещения.

Полагаем, что место правовой конструкции о прекращении права собственности на жилое помещение в системе мер юридической ответственности можно и нужно обсуждать.

Ранее исследователи уже отмечали особенности исследуемой нормы. В частности, С.И. Сулова указывает, что

¹ Филатова У.Б. Правовое регулирование соседских отношений в частном праве России: некоторые проблемы законодательства и правоприменения // Гражданское право. 2019. № 5. С. 11–14.

² Щенникова Л.В. Принцип неприкосновенности собственности и прекращение прав собственника на бесхозяйственно содержимое жилое помещение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neprikosnovennosti-sobstvennosti-i-prekraschenie-prav-sobstvennika-na-beshozyaystvenno-soderzhimoe-zhiloe-pomeschenie>

³ Слесарев С. Выселение — крайняя мера ответственности // Жилищное право. 2018. № 12. С. 83–94.

⁴ Котов В. Выселение как санкция за нарушение правил пользования жилым помещением // Жилищное право. 2015. № 7. С. 59–66.

⁵ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

обязанность органа местного самоуправления обращаться в суд в порядке ст. 293 ГК РФ не является традиционной гражданско-правовой обязанностью, «поскольку нет того субъективного права, существование которого бы данная обязанность обеспечивала: ни права неопределенного количества лиц, ни права конкретного субъекта. Невозможно и понуждение к исполнению такой обязанности со стороны третьих лиц, считающих, что их «права» нарушены»⁶. Автор детально рассматривает гражданско-правовой характер обязанности собственника по содержанию вещи и «бремени собственника по содержанию вещи», доказывая, что искать природу этих обязанностей следует в интересе самого собственника. Анализ вида юридической ответственности за бесхозяйственное содержание жилого помещения в работе не проводится.

Мы согласны, что отношения по содержанию жилого помещения носят частноправовой характер, однако ответственность за его бесхозяйственное содержание нельзя считать видом гражданско-правовой ответственности. Полагаем, что это скорее публично-правовая ответственность. Приведем доводы, подтверждающие эту точку зрения.

Гражданско-правовая ответственность — «правоотношение, имеющее как результат неблагоприятные последствия имущественного характера на стороне правонарушителя, в целях восстановления или компенсации нарушенного права потерпевшего...»⁷. Она носит восстановительно-возмещающий или восстановительно-компенсационный характер, то есть имеет в качестве основной цели восстановление прав либо компенсацию причиненного вреда⁸. Чьи нарушенные права восстанавливает и может компенсировать прекращение права собственности на жилое помещение в соответствии с требованиями ст. 293 ГК РФ?

Если лицо бесхозяйственно обращается с жильем, допуская его разрушение, то по иску органа местного самоуправления решением суда жилье фактически принудительно выкупят у него. Из суммы, вырученной от продажи, нельзя вычесть какую-либо денежную сумму, которую можно было бы направить на ремонт (закон позволяет вычесть расходы только на исполнение судебного решения). Таким образом, применение этой статьи не направлено на восстановление первоначального состояния — лицо останется без собственности, а жилье в разрушенном состоянии. О его приведении в первоначальное состояние можно говорить только в случае, если покупатель, который приобретет жилое помещение в результате проведения торгов, потом, возможно, произведет необходимый ремонт и не допустит дальнейшего разрушения. Хотя, собственно, к содержанию ст. 293 ГК РФ это не относится, и речь будет идти о других гражданско-правовых отношениях.

⁶ Сулова С.И. Бесхозяйное содержание жилого помещения как основание прекращения права собственности // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (3). С. 167–176.

⁷ Вятчин В.А. Понятие и отличительные особенности гражданско-правовой ответственности // Вестник СГЮА. 2012. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-otlichitelnye-osobennosti-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 11.08.2020).

⁸ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н.В. Витрук ; Российская акад. правосудия. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2009. С. 140.

Кто в рассматриваемом случае выступает в качестве потерпевшего, чьи права необходимо восстановить? В качестве таковых можно рассматривать орган местного самоуправления, который должен «предупредить собственника о необходимости устранить нарушения, а если они влекут разрушение помещения — также назначить собственнику соразмерный срок для ремонта помещения», или соседей.

В теории права принято считать, что одним из критериев определения вида юридической ответственности является то, в интересах кого (общества и государства или конкретного лица, которому причинен вред) она применяется⁹. Очевидно, что, если имело место использование жилого помещения не по назначению, орган местного самоуправления действует в интересах общества, неопределенного круга лиц, каждого, кто проживает по соседству с нарушителем, кто пострадал или мог пострадать от действий собственника жилого помещения.

Обратим внимание, что содержание рассматриваемой статьи вообще не требует официального обращения соседей или иных пострадавших граждан с жалобой или ходатайством в орган местного самоуправления. В настоящее время в ряде муниципальных образований приняты порядки реализации права, предусмотренного ст. 293 ГК РФ (Тамбов¹⁰, Тюмень¹¹ и др.). Из содержания положения, действующего в Тюмени, например, следует, что основанием для обращения в суд может стать информация от правоохранительных органов, а также вступившие в силу судебные акты, содержащие сведения об организации или содержании притона. То есть соседи могут не жаловаться, а их интересы могут быть не затронуты.

Гражданско-правовая ответственность, как правило, принимает «форму имущественной ответственности не перед государством, а перед второй стороной правоотношения»¹². Отсюда вопрос: а кто здесь выступает второй стороной гражданского правоотношения? Меры административной ответственности, напротив, направлены против конкретного правонарушителя, который несет ответственность перед государством.

Отметим еще и то, что привлечение лица к гражданско-правовой ответственности происходит по воле потерпевшего лица, а в рассматриваемой статье — на основании иска органа местного самоуправления. Более того, потерпевшее лицо установить не всегда возможно.

Важным для определения вида ответственности является то, какая презумпция используется в процедуре привлечения к ответственности. «В гражданском праве, —

пишет Н.В. Витрук, — существует презумпция противоправности поведения, причиняющего вред. Нарушитель может опровергнуть эту презумпцию, представив доказательство того, что был уполномочен на совершение вредоносных действий»¹³.

В рассматриваемой статье орган местного самоуправления должен доказать факт бесхозяйственного содержания жилого помещения, и пока этот факт не доказан, лишить лицо собственности невозможно. Таким образом, действует презумпция невиновности, не характерная для гражданского права, но прямо закрепленная в ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Ответственность в виде прекращения права собственности за бесхозяйственное содержание жилого помещения преследует цель охраны общественного порядка, а в качестве дополнительных целей — «предупреждение (предотвращение) новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (частная и общая превенция) и формирование у них законопослушных установок поведения»¹⁴. Под термином «общественный порядок» обычно понимают сложившуюся в обществе систему отношений между людьми и правил общежития, которые регулируют нормы действующего законодательства, обычаи, традиции.

Восстановительно-компенсационная функция характерна и для административной ответственности. Например, если собственник жилого помещения в многоквартирном доме систематически нарушал права и интересы соседей, то после прекращения права собственности восстанавливаются нарушенные права граждан, однако эта функция не является основной. Основная — охрана общественного порядка.

Вернемся к п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», где обращено внимание, что «нарушение установленных законом пределов осуществления права собственности на жилое помещение влечет применение к собственнику различного рода мер ответственности, предусмотренных законодательством...». Первой указана административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации.

Обратим внимание, что в ст. 293 ГК РФ установлено, что обязательным условием прекращения права собственности на жилое помещение является предварительное предупреждение собственника о необходимости устранить нарушения. Каков характер этого предупреждения? Понятно, что предупреждение должно быть сделано раньше, чем будет принято решение о принудительной продаже жилого помещения. Такой подход носит скорее административно-правовой характер, а не гражданско-правовой. Именно Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит такой вид наказания, как предупреждение. Оно подчеркивает карательный характер применения в даль-

⁹ Русских В.В. Критерии разграничения видов юридической ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-razgraniчениya-vidov-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 25.08.2020).

¹⁰ Решение Тамбовской городской Думы от 27 февраля 2019 г. № 1031 «Об утверждении порядка реализации права, предусмотренного ст. 293 ГК РФ».

¹¹ Постановление Администрации г. Тюмени от 30 января 2017 г. № 42-пк (в ред. от 31.05.2019) «Об утверждении порядка реализации норм Гражданского кодекса РФ, регулирующих прекращение права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение».

¹² Юрченко А.К. Разграничение административных и гражданских правоотношений // В сб.: Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962. С. 80.

¹³ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 261.

¹⁴ Там же. С. 125.

нейшем более серьезной меры ответственности, которая может последовать в случае дальнейшего совершения незаконных действий.

Мера ответственности направлена на охрану отношений, регулируемых частным правом, обеспечивает действие и реализацию регулятивных норм жилищного и гражданского права, что согласуется с утверждением Н.В. Витрука о том, что «публичное право призвано охранять и защищать частное»¹⁵.

В действующем КоАП РФ содержится ст. 7.21, которая устанавливает ответственность собственников за несоблюдение Правил пользования жилыми помещениями¹⁶, где предусмотрена обязанность использовать жилое помещение по назначению, поддерживать надлежащее состояние жилого помещения, обеспечивать его сохранность, соблюдать права и законные интересы проживающих в жи-

лом помещении граждан и соседей, требования пожарной безопасности, санитарно-гигиенические, экологические и иные требования законодательства. Таким образом, уже сейчас нормами КоАП РФ установлена ответственность в виде штрафа за совершение действий, указанных в ст. 293 ГК РФ.

В Российской Федерации активно обсуждается новая редакция Кодекса законов РФ об административных правонарушениях. Мы предлагаем обсудить возможность включения нормы о продаже с публичных торгов в отношении бесхозно содержимого жилого помещения в новую редакцию кодекса. По своему характеру, природе, назначению, целям это должна быть административная ответственность в виде неблагоприятных последствий имущественного характера для лиц, неоднократно совершивших действия, указанные в ст. 293 ГК РФ.

Конечно, речь идет о новом виде административного наказания, которое должно быть включено в соответствующий раздел Кодекса РФ об административных правонарушениях.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 21 января 2006 г. № 25 «Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н.В. Витрук ; Российская акад. правосудия. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма, 2009. 431 с.
2. Вятчин В.А. Понятие и отличительные особенности гражданско-правовой ответственности / В.А. Вятчин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (85). С. 132–140.
3. Котов В. Выселение как санкция за нарушение правил пользования жилым помещением / В. Котов // Жилищное право. 2015. № 7. С. 59–66.
4. Русских В.В. Критерии разграничения видов юридической ответственности / В.В. Русских // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 17–27.
5. Слесарев С. Выселение — крайняя мера ответственности / С. Слесарев // Жилищное право. 2018. № 12. С. 83–94.
6. Сулова С.И. Бесхозное содержание жилого помещения как основание прекращения права собственности / С.И. Сулова // Актуальные проблемы гражданского права. 2014. № 1 (3). С. 167–176.
7. Филатова У.Б. Правовое регулирование соседских отношений в частном праве России: некоторые проблемы законотворчества и правоприменения / У.Б. Филатова // Гражданское право. 2019. № 5. С. 11–14.
8. Щенникова Л.В. Принцип неприкосновенности собственности и прекращение прав собственника на бесхозно содержимое жилое помещение / Л.В. Щенникова // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 160–163.
9. Юрченко А.К. Разграничение административных и гражданских правоотношений / А.К. Юрченко // Проблемы гражданского и административного права / ответственный редактор О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепухин. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 65–75.

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».